Красивая сказка, призванная очаровать читателей по обе стороны Атлантики.

Booklist

Ян-Филипп Зендкер

Искусство слышать стук сердца

Роман

История эта гипнотизирует заключенной в каждую фразу поэзией, и в финале ты ощущаешь себя преображенным — причастившись нетленной любви, которая способна выдержать испытание временем.

Goodreader

Азбука-бестселлер

Ян-Филипп Зендкер

Искусство слышать стук сердца

«Азбука-Аттикус»
2006

Зендкер Я.

Искусство слышать стук сердца / Я. Зендкер — «Азбука-Аттикус», 2006 — (Азбука-бестселлер)

Отец Джулии Вин – личность поистине загадочная. С одной стороны – он блестящий американский адвокат и добропорядочный семьянин, с другой – человек, прошлое которого окутано тьмой. Ни жене, ни его взрослым детям о нем не известно практически ничего. Поэтому, когда однажды мистер Вин исчезает, полиция и родные понятия не имеют, где его искать. Единственная зацепка – письмо, найденное дочерью через четыре года после исчезновения отца. Это – любовное послание к некой женщине по имени Ми Ми, и живет она далеко, по другую сторону океана. Джулия отправляется в долгое путешествие в неизвестность, где ей предстоит обучиться очень непростому искусству – слышать стук сердца других людей.

© Зендкер Я., 2006
© Азбука-Аттикус, 2006

Содержание

Часть I 6
1 6
2 9
3 13
4 19
5 24
6 29
7 32
8 35
9 36
10 39
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Ян-Филипп Зендкер
Искусство слышать стук сердца

First published in English as *The Art of Hearing Heartbeats* by Jan-Philipp Sendker
English translation copyright © 2006 Kevin Wiliarty
Originally published in German as *Das Herzenhören* in 2002 by Karl Blessing Verlag
This translation published by arrangement with Other Press LLC

© И. Иванов, перевод, 2013
© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2013
Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть I

1

Первое, что меня в нем поразило, – глаза. Цепкие, глубоко посаженные, они смотрели в упор. Вообще-то, в мою сторону поглядывали все посетители чайного домика: кто украдкой, кто открыто. Но этот человек пялился так беззастенчиво, словно встретил диковинную зверушку. Я не знала, сколько ему лет; судя по морщинистому лицу – шестьдесят, а то и все семьдесят. Одет он был в пожелтевшую от времени и стирок рубашку, зеленое лонгьи[1] и шлепанцы на каучуковой подошве. Ну и пусть таращится! Я с подчеркнутым равнодушием обвела взглядом деревянную лачугу с несколькими столиками и стульями, стоявшими прямо на сухой пыльной земле. На стенах висели картинки из старых календарей и фотографии молодых женщин. Их юбки до пят, кофты с длинными рукавами, стоячие воротнички и серьезное выражение лиц напомнили мне другие снимки. Те, которые продавались на блошиных рынках Нью-Йорка, – раскрашенные черно-белые фото рубежа девятнадцатого и двадцатого веков, запечатлевшие девушек из состоятельных семей. У дальней стены поблескивала стеклянная витрина, уставленная пирожными и рисовыми кексами – лакомством для десятков мух. Рядом на газовой горелке кипел закопченный чайник. В углу громоздились деревянные ящики с оранжевой газировкой. Более жалкого заведения я еще не видела.

Меня донимала жара. Струйки пота текли по вискам, сползая на шею. Джинсы прилипли к телу. И вдобавок старик вдруг встал и подошел ко мне.

– Тысяча извинений, юная госпожа, за то, что осмелился обратиться к вам, – начал он, усаживаясь за столик. – Знаю, вести себя так – крайне невежливо с моей стороны, особенно учитывая, что мы незнакомы и вы не имеете даже отдаленного представления, кто я такой. Меня зовут У Ба. Я много слышал о вас, хотя это никоим образом не извиняет моей бесцеремонности. Полагаю, вы шокированы. Еще бы! Приехали в чужую страну, оказались в провинциальном городишке, зашли в чайный домик и вдруг стали объектом внимания странного человека. Мне в высшей степени понятно ваше состояние, но все же хочется… нет, я просто испытываю необходимость задать один вопрос. Я так долго дожидался этой возможности, что теперь, когда вы здесь, не мог сидеть и молча наблюдать за вами.

Если быть точным, я ждал вас целых четыре года. Сколько дней выхаживал по пыльной главной улице и вглядывался в лица немногочисленных туристов, забредших в наше захолустье. В те редкие дни, когда прилетал самолет из столицы, я, если не был занят, отправлялся в наш маленький аэропорт в надежде на ваше прибытие.

– Долго же вам пришлось дожидаться, – хмыкнула я.

– Только не подумайте, будто я вас упрекаю. Прошу понять меня правильно. Мне много лет, и я не знаю, сколько еще проживу. В нашей стране люди стареют быстро и умирают молодыми. Вот и конец моей жизни неумолимо приближается, однако я должен был увидеть вас и рассказать одну весьма значимую историю.

Улыбаетесь. Думаете, я выжил из ума? Или считаете меня эксцентричным стариком? У вас есть на это все основания. Только не уходите, прошу! Понимаю: мои слова кажутся в высшей степени странными. Согласен, мой внешний вид не вызывает доверия. Я даже не могу по-настоящему вам улыбнуться. Для этого нужны белые, сверкающие зубы, а не жалкие почерневшие огрызки, которые даже жевать не способны. Это лишь руины прежней улыбки. Окру-

[1] Традиционная бирманская одежда, напоминающая индийское сари. Как и сари, лонгьи состоит из одного куска материи, оборачиваемого вокруг бедер. – *Здесь и далее примеч. перев.*

жающим не нравится мое несвежее дыхание. Моя кожа обвисла – болтается на руках, словно белье на веревках. Ноги грязные, все в мозолях от дешевых сандалий. Мою, с позволения сказать, белую рубашку давным-давно пора выбросить на помойку. Поверьте, я весьма щепетилен в подобных вопросах, однако вы видите, в каком положении пребывает наша страна. Поистине в удручающем! Меня никоим образом не устраивает нынешний упадок, но, увы, избавить родину от сей горькой участи я не способен. Я долго учился принимать как данность то, что не в силах изменить. Да не собьет вас с толку мое жалкое обличье! Не путайте стоицизм с утратой интереса к жизни или тем паче с капитуляцией перед ее ударами. Нет, моя дорогая, столь предосудительному малодушию нет места в моем сердце.

Его произношение оставляло желать лучшего, но говорил он на достаточно правильном английском. Вот только слова и обороты… Такие фразы я слышала лишь в старых английских фильмах.

– Но я отвлекся, по глазам вижу, что испытываю ваше терпение. Сделайте одолжение, не отворачивайтесь. Я правильно угадал, вас никто не ждет? Вы приехали одна. Посидите со мной еще немного, Джулия, не пожалейте нескольких минут для старика.

Вы изумлены? О, как округлились ваши прекрасные карие глаза. Впервые за все это время вы смотрите на меня. Спрашиваете себя: «Откуда, черт побери, он знает мое имя, если прежде мы никогда не встречались и здесь я впервые?» Вы теряетесь в догадках: может, я случайно увидел наклейку на вашей куртке или рюкзачке? Уверяю, мне это ни к чему. Я знаю не только имя, но и день и час вашего рождения. Мне известно очень многое о малышке Джул, которая больше всего обожала вечерами слушать отца. Я хоть сейчас могу рассказать вашу самую любимую историю – «Сказку о принце, принцессе и крокодиле». Вы часто слушали ее перед сном.

Я замерла, а он продолжил:

– Итак, вас зовут Джулия Вин. Вы родились двадцать восьмого августа тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года в Нью-Йорке. Ваша мать американка, а отец – бирманец. Ваша фамилия стала частью моей истории и моей жизни в тот самый момент, когда я пятьдесят пять лет назад покинул материнскую утробу. А в последние четыре года не было и дня, чтобы я не думал о вас. Потерпите немного: я все объясню. Но вначале позвольте спросить, верите ли вы в любовь?

В устах этого старика вопрос звучал до такой степени нелепо, что я невольно рассмеялась.

– Смеетесь. Какая же вы красивая. Однако я вполне серьезен. Джулия, вы верите в любовь?

Я молчала.

– Конечно же, я спрашиваю не о всплесках страсти, которые побуждают нас говорить и делать то, о чем впоследствии придется жалеть. Речь не о глупых заблуждениях, будто нам не прожить без какого-то человека. Мы дрожим от страха, едва подумав, что можем потерять предмет нашей страсти. На самом деле такие чувства скорее обедняют, нежели обогащают, ибо мы жаждем безраздельного обладания тем, что нам не принадлежит, и цепляемся за то, на что не имеем права. Я имею в виду не плотские желания и не любовь к себе – эту паразитку, рядящуюся в одежды бескорыстности.

Нет, Джулия, я говорю о любви, дарующей зрение слепым. О любви, что сильнее страха. Я говорю о любви, которая наполняет жизнь смыслом, противостоит природным законам угасания. Я говорю о любви, не знающей границ, о любви, заставляющей нас расцветать. Я говорю о торжестве человеческого духа над эгоизмом и смертью. Его монолог начал меня утомлять.

– Качаете головой? Не верите ни во что такое? Не знаете, о чем я говорю? Что ж, ничего удивительного. Я и сам думал по-иному, пока не встретил вашего отца. Не торопитесь забрасывать меня вопросами. Вы все уразумеете, когда услышите мою историю. Четыре года я хранил ее в своем сердце. И сейчас прошу лишь чуточку терпения. Уже поздно, и вы наверняка устали

в долгой дороге. Мне же, старику, нужно беречь силы. Надеюсь, вы правильно поймете, если я вас покину. Завтра мы могли бы встретиться снова в это же время, за этим столиком. Кстати, здесь я познакомился с вашим отцом. Он сидел на стуле, где сидите вы, и рассказывал. Должен признаться, я был ошеломлен еще сильнее, чем вы, и недоверчиво качал головой. Никогда и ни от кого я не слышал таких историй. Могут ли у слов вырасти крылья? Способны ли фразы порхать, как бабочки? Разве им под силу пленять нас и уносить в другие миры? Мыслимо ли, чтобы человек содрогнулся от слов, аки земля – от природного катаклизма? Неужто в их власти открывать потаенные уголки наших душ? Не знаю, умеют ли все это делать сами слова, но вместе с голосом – еще как! А голос вашего отца, Джулия, в тот день был настолько необыкновенный… Такой голос бывает у человека лишь раз в жизни. Пожалуй, он не столько говорил, сколько пел – совсем тихо, но не нашлось в чайном домике посетителя, которого бы его речь не тронула до слез. Фразы сплетались в историю, а из нее рождалась жизнь, являя свою силу и магию. Услышанное в тот день сделало из меня такого же убежденного верующего, как и ваш отец. Он сказал: «Знаешь, У Ба, я – человек нерелигиозный, и любовь – единственная сила, в которую верю». Эти слова я запомнил на всю жизнь.

У Ба посмотрел на меня и встал. Сложил ладони перед грудью, поклонился и вышел из чайного домика быстрой и легкой походкой.

Я провожала его взглядом, пока он не скрылся в уличной толпе.

Хотелось крикнуть ему вслед, что я не верю в силу, способную даровать зрение слепым, не верю в чудеса и магию. Жизнь слишком коротка, чтобы растрачивать ее на тщетные надежды. Уж лучше наслаждаться тем, что есть, чем залезать в дебри самообмана. Верю ли я в любовь? Ну и вопрос! Любовь – не религия. В восемнадцать лет я мечтала о принце, который избавит меня от всех проблем. А когда появился тот, кого я приняла за венценосного суженого, жизнь преподнесла мне жестокий урок. Я на собственной шкуре убедилась, что королевские сыны обитают только в сказках и что любовь делает человека слепым. Хотелось крикнуть этому старику, что мне неведома более могущественная сила, чем страх. И в торжество над смертью тоже не верю. Нет и нет!

Но я промолчала, ссутулившись на низком табурете. В ушах звучал голос У Ба. Спокойный, мелодичный и по мягкости своей очень напоминающий отцовский. Он, словно эхо, снова и снова повторял слова:

«Посидите со мной еще немного, Джулия,

Джулия, Джулия…»

«Вы верите в любовь, в любовь…»

«Ваш отец, отец…»

Я была измотана. Болела голова. Казалось, я наконец-то проснулась, вырвалась из цепких лап кошмара. Вокруг жужжали мухи, садились на волосы, лоб и руки. У меня не хватало сил их отогнать. Передо мной на тарелке лежали три засохших пирожных. Стол был усеян липкими крошками тростникового сахара. Хотела отхлебнуть остывшего чая, но, как ни сжимала стакан, он все равно выскользнул из трясущихся рук. Я наблюдала за его падением – медленным, но не настолько, чтобы поймать беглеца. Посетители удивленно обернулись на звон стекла. Можно подумать, я опрокинула сервант, полный посуды! И зачем я столько времени слушала этого старика? Ведь в любой момент могла его прервать. Нужно было вежливо, но твердо попросить: «Оставьте меня в покое». Или просто встать и уйти. И я уже собиралась это сделать, когда он вдруг сказал: «Джулия, Джулия Вин». Никогда бы не подумала, что собственное имя так меня взбудоражит. Бешено колотилось сердце. Откуда он знает отца? Когда в последний раз его видел? Может, этому У Ба известно, жив ли папа и где скрывается?

2

Официант отказался брать деньги.

– Вы – друг У Ба. Его друзья – наши гости, – сказал он и поклонился.

Но я все же вытащила из кармана джинсов купюру – засаленную и рваную. Брезгливо поморщившись, запихнула ее под тарелку с пирожными. Официант убрал посуду, но на чаевые не взглянул. А когда я жестом на них указала, лишь улыбнулся.

Может, я слишком мало предложила? Или ему не понравилась заляпанная бумажка? Я выложила на стол более чистую и крупную купюру. Официант поклонился, снова улыбнулся и отошел, не дотронувшись до денег.

На улице было жарче, чем в чайном домике. Жара парализовывала. Я стояла перед кафе, не в силах сделать ни шагу. Солнце жгло кожу, перед воспаленными глазами плясали разноцветные круги. Я надела бейсбольную кепку, стараясь прикрыть лицо козырьком.

Людная улица поразила меня странной тишиной. Чего-то не хватало, и я не сразу поняла, чего именно. Автомобилей. Люди либо шли пешком, либо ехали на велосипедах. На перекрестке я увидела три конные повозки и еще одну, запряженную волами. Изредка все же встречались автомобили – старые, помятые и заржавленные японские пикапы, забитые плетеными корзинами и мешками. Тут же, в кузове, сидели молодые люди и держались за свои пожитки так, будто в них заключалась вся их жизнь.

По обе стороны улицы тянулись приземистые, одноэтажные деревянные лачуги с ржавыми металлическими крышами. Подобные строения я видела в телепередачах о жизни африканских или южноамериканских трущоб. В здешних «бараках» помещались бизнес-конторы и универсамы площадью в сто квадратных футов, где торговали всем: от риса, арахиса и муки до шампуня, кока-колы и пива. Товары лежали совершенно хаотично. Если и существовал какой-то порядок, я его не заметила.

Едва ли не каждое второе строение оказывалось чайным домиком, посетители которого сидели на низеньких деревянных табуретках. Их головы были повязаны зелеными полотенцами. Похоже, для местных жителей такие уборы были столь же привычными, как для меня кепка с эмблемой «Нью-Йорк янкиз». Брюки мужчинам заменяли куски ткани, обернутые вокруг пояса на манер юбок. Почти все курили длинные темно-зеленые сигариллы.

Мне встретились две женщины. Их щеки, лбы и носы покрывали желтые узоры, похожие на боевую раскраску индейцев. Женщины тоже курили вонючие зеленые сигариллы.

Я была на целую голову выше местных жителей, даже мужчин. Зато все они отличались худощавостью, но не сухопаростью и двигались с легкостью и изяществом. Вспомнилась отцовская походка – такая же легкая и изящная. Я восхищалась ею и безуспешно пыталась ей подражать. По нью-йоркским меркам я считалась вполне худенькой. Но здесь, при росте в пять футов девять дюймов и ста тридцати фунтах веса, ощущала себя долговязой, неуклюжей толстухой.

Однако неприятнее всего были пристальные взгляды. Никто из местных и не думал отводить глаза. Наоборот, они разглядывали меня и улыбались. Что вызывало такую реакцию, я не понимала.

Каким пугающим бывает смех!

Некоторые кивали мне. Они что, меня знают? Или, подобно У Ба, ждали моего приезда? Я старалась не смотреть на них, поскольку понятия не имела, как надлежит отвечать на такие приветствия. А потому просто смотрела вдаль, сосредоточившись на воображаемой точке, и пыталась как можно быстрее добраться до гостиницы.

Я вдруг затосковала по Нью-Йорку с его шумом, грохотом и нескончаемым потоком машин, по серьезным, непроницаемым лицам пешеходов, безразличных ко всему вокруг. Я

даже скучала по переполненным мусорным бакам и зловонию, которое они источают душными и влажными летними вечерами. Безумно хотелось встретить что-то знакомое, за что можно ухватиться и почувствовать себя в безопасности. Хотелось вернуться в привычный мир, в котором я ориентировалась и знала, как себя вести.

Пройдя сотню ярдов, я оказалась на развилке и вдруг поняла, что не помню, в какой стороне мой отель. Я вертела головой в надежде найти ориентир – дорожный указатель или знакомую деталь ландшафта: куст, дерево, дом, которые я запомнила, выходя из гостиницы на прогулку. Однако мой взгляд натыкался лишь на высоченные бугенвиллеи (они полностью заслоняли лачуги, возле которых росли), выжженные солнцем поля и дорожные рытвины, способные вместить в себя несколько баскетбольных мячей. Словом, куда бы я ни повернулась, везде был чужой, пугающий мир.

Как могло случиться, что я, Джулия Вин, уроженка Нью-Йорка, знающая едва ли не все улицы и улочки Манхэттена, потерялась в жалком городишке, который всего-то три квартала в длину и два в ширину? Куда девались мои память, находчивость и боевой дух, никогда не оставлявшие меня в прогулках по Сан-Франциско, Парижу и Лондону? Как я позволила себе заблудиться? Я вдруг почувствовала себя одинокой и обескураженной.

– Мисс Вин! Мисс Вин! – окликнул меня чей-то голос.

Я не решилась обернуться, лишь глянула через плечо. Позади стоял незнакомый молодой человек. Он мог быть кем угодно: посыльным гостиницы, официантом чайного домика, носильщиком рангунского аэропорта или столичным таксистом. Лица всех были совершенно одинаковыми: черные волосы, темно-карие глаза, смуглая кожа и непонятная, пугающая улыбка.

– Вы что-то ищете, мисс Вин? Вам помочь?

– Нет, спасибо.

Не доверяю незнакомцам и не желаю зависеть от этого человека. Но оставаться одной в чужом городе тоже не хочется…

– Простите… я… заблудилась. Гостиница… она в какой стороне? – спросила я, мечтая поскорее оказаться в номере, в который вселилась утром.

– Сверните вправо и идите вверх. Минут через пять увидите гостиницу.

– Благодарю вас.

– Надеюсь, вам у нас понравится. Добро пожаловать в Кало, – сказал он и пошел дальше.

В отеле я молча прошла мимо улыбающегося портье, поднялась по массивной деревянной лестнице на второй этаж, толкнула дверь своего номера и плюхнулась на кровать. Давно я так не выматывалась.

Перелет из Нью-Йорка в Рангун занял более трех суток. Потом еще ночь и полдня я тряслась в древнем автобусе, битком набитом людьми, от которых воняло, как от сточной канавы. Вся их одежда состояла из замызганных юбок, ветхих футболок и стоптанных синтетических сандалий. С собой они волокли цыплят и визжащих поросят. Двадцать часов пути по дорогам, которые и дорогами-то назвать нельзя. На что они похожи? По-моему, на русла пересохших рек. Целью моего путешествия был заштатный городишко в отдаленной горной провинции. Зачем я ехала в это бирманское захолустье? Что я тут потеряла? Ничего, но надеялась кое-что найти. Смешно. Я отправилась на поиски, не имея ни малейшего представления о том, чего же я ищу.

Должно быть, я уснула. Солнце успело скрыться, и гостиничный номер тонул в полумраке. На второй кровати лежал чемодан, который я так и не удосужилась открыть. Я озиралась по сторонам, напоминая себе, где нахожусь. Надо мной крутились деревянные лопасти старого потолочного вентилятора. Номер был просторным, однако спартанская меблировка делала его

похожим на монашескую келью. Возле двери стоял платяной шкаф, у окна – стол со стулом, а между кроватями – ночной столик. На белых стенах ни зеркала, ни картин. Под ногами поскрипывали старые гладкие половицы. Единственным предметом роскоши был маленький корейский холодильник, да и тот не работал. В открытые окна неторопливо вливался прохладный вечерний воздух, шелестя желтыми портьерами и навевая сон.

Неожиданная встреча со стариком казалась еще абсурднее и загадочнее, чем несколько часов назад. Возможно, из-за сумерек. Память об этой встрече успела размыться и потерять последовательность. Откуда-то выплывали призрачные образы, которые я не могла объяснить, бессмысленные картины. Я попыталась вспомнить лицо У Ба, но в памяти остались лишь густые, седые, коротко стриженные волосы. И странная, совершенно непонятная мне улыбка. Была ли это насмешка? Издевка? Или, наоборот, сочувствие?

Чего он хотел от меня?

Денег! Чего же еще? Он не просил напрямую, однако все его замечания о зубах и рубашке недвусмысленно намекали. Как же я раньше не догадалась? Мое имя он легко мог узнать в гостинице. Возможно, даже сговорился с портье. Старый мошенник хотел разжечь мое любопытство, произвести впечатление, а затем предложить свои услуги предсказателя, астролога или хироманта. Но я не попалась на его удочку. Знал бы он, что напрасно расточал красноречие!

И вообще, какие слова из речи У Ба позволяли предположить, что он действительно знаком с отцом? Тот якобы ему сказал: «Знаешь, У Ба, я – человек нерелигиозный, и любовь – единственная сила, в которую верю». Мой папа никогда бы не додумался до такой фразы и уж тем более не стал бы произносить ее вслух, да еще в разговоре с незнакомцем. А может, я сама себя дурачу? Вообразила, будто понимаю мысли и чувства отца! Насколько хорошо я была с ним знакома?

Мог ли папа, которого, как мне казалось, я знаю, внезапно исчезнуть, не оставив даже коротенькой записки? Мог ли бросить жену, сына и дочь, ничего не объяснив и не дав о себе знать?

В полиции нам сообщили, что в Бангкоке его след оборвался. Возможно, в Таиланде отца ограбили и убили.

А может, он стал жертвой несчастного случая на берегу Сиамского залива? Вдруг ему захотелось сменить обстановку и отдохнуть пару недель в тишине? Прилетел в Таиланд, приехал на побережье, пошел купаться и утонул. Эту версию наша семья приводила, отвечая на многочисленные расспросы, и она считалась как бы официальной.

Полицейский отдел, занимающийся расследованием смертей при невыясненных обстоятельствах, подозревал, что отец вел двойную жизнь. Копы с недоверием отнеслись к утверждениям матери, будто ей ничего не известно о первых двадцати годах жизни ее мужа. Само это утверждение показалось им абсурдным. На первых порах полицейские даже заподозрили мать в причастности к исчезновению мужа, посчитав ее либо сообщницей, либо организатором. Только потом, когда выяснилось, что жизнь папы не была застрахована и что заказное убийство не принесло бы его жене баснословных денег, с матери сняли все подозрения. Следствие пошло по другому руслу. Вдруг потому и окутаны тайной первые двадцать лет жизни отца, что в ней имелась некая скрытая сторона, о которой близкие даже не догадывались? Вдруг он был тайным гомосексуалистом? Или педофилом, решившим удовлетворить порочную страсть в притонах Бангкока?

Хотела ли я узнать всю правду? Хотела ли, чтобы неожиданное открытие очернило его образ – образ верного мужа, успешного юриста, прекрасного и сильного отца, всегда готового помочь своим детям? Не сотвори себе кумира. Не создавай идеалов. Но разве в жизни можно без них обойтись? Если не всю правду, то какую ее часть я способна принять, не разрушив своего мира?

Так что же погнало меня на другой конец света? Я уже не скорбела по отцу. Стадия горя миновала. Четыре года – срок немалый. Поначалу я сильно убивалась, но быстро убедилась в правильности расхожего выражения: «Жизнь продолжается». Даже без горячо любимого отца. Мои друзья утверждали, что я довольно быстро справилась со «всей этой историей».

И не забота о его благополучии вынудила меня отправиться на поиски. Честно говоря, я сомневалась, что папа до сих пор жив. Но если и так, он вряд ли нуждался в моей помощи. Да и чем я могла ему помочь?

Меня мучила неопределенность. Хотелось у знать, почему отец столь внезапно пропал и может ли его исчезновение пролить свет на темные стороны его жизни. Действительно ли я хорошо понимала его, или мне это только казалось? Были наши близкие отношения настоящими или иллюзорными? Подозрения терзали сильнее, чем страх узнать правду. Они омрачали память детства и вообще все воспоминания об отце. Я начинала сомневаться в них, и это было ужасно. Воспоминания – это все, что у меня осталось. Так кем же был человек, давший мне жизнь? С кем я прожила под одной крышей более двадцати лет? Кем в действительности был мой отец?

3

Моему последнему воспоминанию об отце уже четыре года.

Помню утро после выпускной церемонии в колледже. Я осталась ночевать в родительской квартире, в доме на Шестьдесят четвертой улице манхэттенского Ист-Сайда. Мне постелили в моей бывшей комнате, превращенной в гостевую. Окончание колледжа праздновали в узком семейном кругу. Я могла бы и не оставаться ночевать – до своей квартиры на Второй авеню менее десяти минут ходьбы. Но был почти час ночи. В голове шумело от шампанского и красного вина, и я решила не испытывать судьбу. Брат на тот момент уже давно жил в Сан-Франциско и специально прилетел на мой праздник. Мы провели удивительно прекрасный вечер. Отец безостановочно смеялся и шутил, что случалось с ним крайне редко. Он терпеть не мог вечеринок и практически не пил. Меня охватила ностальгическая грусть по семье, по детству с его звуками и запахами. Как здорово снова проснуться под звон посуды, которую отец вынимал из посудомоечной машины, чтобы накрыть стол к завтраку! Снова вдохнуть аромат свежесваренного кофе и теплых булочек с корицей – любимого детского лакомства. Как приятно снова услышать отцовские шаги, когда он, еще полусонный, идет за газетой. Мягко открывалась массивная старая дверь, папа забирал из ящика пухлый выпуск «Нью-Йорк таймс», уносил на кухню и звучно бросал на кухонный стол. Вместе с окончанием колледжа безвозвратно закончилась замечательная студенческая пора. Мне захотелось продлить ее хотя бы на одну ночь и утро. Начать новый день с привычных ритуалов детства, еще раз окунувшись в безмятежность той поры.

Я словно что-то предчувствовала.

В то утро отец обошелся без кофе и булочек с корицей. Он разбудил меня рано. Сквозь тонкие деревянные жалюзи пробивался серый утренний свет. Должно быть, солнце еще не взошло. Папа стоял у моей кровати, одетый в старомодный серый плащ и коричневую итальянскую шляпу «борсалино». Этот его наряд я помнила с детства, со времен, когда по утрам провожала отца на работу. Я вставала у окна и махала ему рукой. Иногда даже плакала, не желая отпускать. Спустя несколько лет за папой начал приезжать большой черный лимузин с шофером, от порога до машины нужно было пройти каких-нибудь три шага, но отец все равно облачался в привычный наряд. Он никогда не менял стиль, регулярно покупая себе новые плащи и новые «борсалино». Шляп у него было полдюжины: две черные, две коричневые и две темно-синие. Когда плащи такого фасона перестали продавать даже в самых консервативных нью-йоркских магазинах, папа шил их на заказ.

«Борсалино» были его талисманом. Первую итальянскую шляпу отец купил, собираясь на первое собеседование по поводу работы. Его приняли. В те далекие времена шляпа говорила об умении одеваться со вкусом. Но мода не стояла на месте; постепенно «борсалино» перекочевали в разряд старомодных, а затем и эксцентричных головных уборов. Дошло до того, что отца стали воспринимать как сошедшего с экрана героя фильма пятидесятых годов. Мне, тринадцатилетнему подростку, нередко приходилось краснеть из-за отцовского консерватизма, огрызаясь на шуточки сверстников. Ну почему, почему он застрял в моде своей юности? Не менее нелепой выглядела и его привычка кланяться, здороваясь с матерями моих подруг. Иногда папа заезжал в школу. Видя его, ребята откровенно смеялись. Я жалела отца и не могла даже представить, что подростковые насмешки задевают его гораздо меньше, чем меня. Он не носил ни джинсов, ни слаксов, ни толстовок и не одобрял манеру американцев одеваться небрежно. По мнению отца, такая одежда потворствовала низшим человеческим инстинктам, среди которых было и настойчивое стремление к телесному комфорту.

Разбудив меня, папа шепотом сообщил, что летит в Бостон на деловую встречу. Возможно, ему придется там задержаться на пару дней, а то и больше. Одно это уже должно было

насторожить. Что значит «возможно»? Деловой календарь отца по точности мог соперничать с его наручными часами. Он постоянно летал в Бостон и всегда возвращался в тот же день… Но я слишком хотела спать и не придала особого значения отцовским словам. Он поцеловал меня в лоб и сказал:

– Малышка, я люблю тебя. Всегда помни об этом. Слышишь?

Я сонно кивнула и пробормотала:

– Я тоже тебя люблю. Береги себя.

Потом повернулась на другой бок, уткнулась в подушку и сразу же заснула. Я не знала, что вижу отца в последний раз.

Впервые мы заподозрили неладное в одиннадцатом часу утра. До этого все складывалось просто замечательно. Я выспалась и вышла на кухню. Брат не захотел будить меня и улетел в Сан-Франциско, не простившись. Мама сидела в нише кухонного эркера с чашкой кофе в руках, листала «Вог» и ждала, когда я проснусь, чтобы вместе позавтракать. С блюда на меня призывно поглядывали теплые булочки с корицей и рогалики, ломтики копченой лососины, творожный сыр и клубничный джем. Я сидела на своем прежнем месте, забравшись на стул с ногами и подтянув колени к подбородку, ждала, пока сварится кофе, потягивала апельсиновый сок и рассказывала матери о планах на лето. И тут раздался телефонный звонок. Сьюзен, секретарша отца, интересовалась, не заболел ли мистер Вин. В десять часов у него должна была начаться важная встреча. Секретарша, привыкшая к пунктуальности шефа, поразилась его отсутствию. Она изумилась еще сильнее, узнав, что мистер Вин улетел в Бостон. По ее словам, он в ближайшее время туда не собирался.

Внезапное изменение отцовских планов удивило маму, но не столь сильно, как Сьюзен. Возможно, потому, что ей не нужно было отбиваться от рассерженного голливудского магната и его адвокатов. Поговорив еще пару минут, обе женщины выразили уверенность, что вскоре все должно проясниться. Возможно, отцу не удалось вовремя позвонить Сьюзен, а сейчас он находится на важном совещании. В ближайший час или два он обязательно выйдет на связь и объяснит причину столь спешной поездки в Бостон.

Сегодня наше поведение кажется мне странным, но тогда звонок Сьюзен нас ни капельки не насторожил. Мы продолжали завтракать. Об отце не было сказано ни слова. После завтрака мы отправились в косметический салон, затем пошли через Центральный парк в роскошный универмаг «Бергдорф Гудмэн». Лето только начиналось, и дни еще не успели наполниться влажной духотой. Я очень люблю Нью-Йорк в эту пору. В парке пахло свежескошенной травой. На Овечьем лужке сидели и лежали люди, наслаждаясь нежарким солнцем. Двое подростков, скинув рубашки, бросали друг другу пластиковый диск «летающей тарелки». Перед нами, держась за руки, неспешно катились на роликовых коньках двое мужчин лет тридцати. Мне захотелось остановиться, закрыть глаза и обнять окружающий мир. В такие дни я всегда ощущала, что жизнь полна самых разнообразных возможностей и они ждут, когда я ими воспользуюсь.

Но мама упорно тащила меня в универмаг. Там она купила мне желтое летнее платье с цветочным орнаментом, а затем пригласила перекусить в ресторане отеля «Плаза». Не могу сказать, что мне нравился этот отель. Кому сейчас нужны претенциозные интерьеры в духе французского ренессанса? К чему это нагромождение украшений, от которого так и веет подражательством и дешевкой? Однако я давно убедилась: пытаться зазвать маму в другой ресторан – дело, обреченное на провал. Она обожала гостиничный вестибюль с позолотой на стенах и высоких потолках. Ей нравились перенасыщенные изысканностью колонны. И конечно же, она любила подчеркнутое внимание персонала, включая французское приветствие метрдотеля: «Bonjour, Madame Win». Мы расположились между двумя пальмами, вблизи небольшого шведского стола, предлагавшего пирожные, сласти и мороженое. Вокруг столиков фланировали двое скрипачей, игравших венские вальсы.

Мама заказала русские блины с икрой и два бокала шампанского.

– Мы опять что-то празднуем? – спросила я.

– Твое окончание колледжа, дорогая.

Блины оказались пересоленными, а шампанское – чересчур теплым. Мама подозвала официанта.

– Да брось ты, мам, – запротестовала я. – Все вполне приемлемо.

– Сомневаюсь, – возразила она, давая понять, что я ничего не смыслю в подобных вещах. – Это и близко не стояло с «приемлемым».

Она отчитала официанта. Тот, рассыпаясь в извинениях, забрал тарелки и бокалы. Мама говорила спокойно, но каждое ее слово било наотмашь. В детстве эта манера общения меня пугала. Сейчас было просто неприятно выслушивать ее нотации официанту.

– Когда я заказываю блины с икрой, я рассчитываю, что они будут отменного качества, а не «вполне приемлемо». А тепленькое шампанское – это просто издевательство. – Она посмотрела на меня. – А ты бы, наверное, все молча съела и выпила. Да?

Я кивнула.

– Вот и твой отец такой же. Просто поразительно, как много ты унаследовала от него.

– В каком смысле? – спросила я, поскольку мамины слова отнюдь не звучали комплиментом.

– А в таком! Это твое смирение, пассивность, страх пойти на конфликт! Если меня скверно обслужили, почему я должна молчать?

– Препираться из-за пересоленных блинов? Какая скука.

– Это что, трусость или высокомерие? – продолжала распаляться мама, будто не слыша моих слов.

– При чем тут высокомерие?

– Вы оба не желаете снизойти до того, чтобы поставить официанта на место.

Я не понимала истинной причины разгоравшегося гнева. Вряд ли пересоленные блины и теплое шампанское могли так сильно ее разозлить.

– Как же! Ваши головы заняты рассуждениями о высоких материях. Это и есть высокомерие.

– Просто мне не хочется заострять внимание на пустяках.

Я чуяла опасность затяжной дискуссии и потому отговорилась полуправдой. С одной стороны, я действительно терпеть не могу все эти конфликты в ресторанах, отелях или магазинах. Но с другой стороны, я не могу похвастаться унаследованным от отца спокойствием. Если я молчу и выгляжу хладнокровной, то внутри у меня все клокочет. Я ощущаю себя слабачкой, и это меня злит. Отцовская невозмутимость всегда была настоящей, а не наигранной. Его и в самом деле мало что задевало. Если кто-то грубил или скверно его обслуживал, он никогда не принимал это на свой счет. Если кто-то нагло вклинивался в очередь, отец лишь улыбался. Он никогда не считал сдачу, зато мама пересчитывала каждый цент. Я завидовала папиному самообладанию, мама его просто не понимала. Она была в равной степени требовательной к себе и окружающим. Отец же предъявлял строгие требования только к себе.

– Хорошенькие пустяки! – воскликнула мама. – Тебе что, наплевать, как тебя обслуживают за твои же деньги? Это немыслимо.

– Мама, можно мы закроем тему? – попросила я и задала более важный для меня вопрос: – Скажи, а ты не беспокоишься за папу?

Она улыбнулась и покачала головой:

– Нет. А с чего мне беспокоиться?

Оглядываясь назад, я пытаюсь понять, было ли тогдашнее материнское хладнокровие искренним или напускным. Мы обе и словом не обмолвились о сорванной встрече с голливудским магнатом. Мама даже не позвонила в офис и не спросила, есть ли новости от отца.

Откуда такая уверенность, что с ним не случилось ничего страшного? Неужели ей было все равно? Или она уже давно подозревала, что подобное рано или поздно произойдет? Она вела себя спокойно и местами беспечно.

Казалось, даже испытывала что-то вроде облегчения и радости, поскольку неминуемая катастрофа, которую давно предчувствовала и уже устала ждать, наконец-то разразилась.

Прошло несколько недель. У нас на кухне в который раз сидел Франческо Лауриа, глава специальной группы по розыску моего отца. Шеф нью-йоркской полиции лично представил его матери, охарактеризовав как одного из лучших следователей. С того момента Лауриа стал регулярно к нам наведываться. Стройный, мускулистый и очень тщеславный. Он выглядел лет на тридцать пять, носил элегантные костюмы с итальянскими галстуками, а его черные волосы всегда были идеально подстрижены, словно следователь каждое утро начинал с парикмахерской. Но более всего меня впечатляла его речь. Лауриа отличался красноречием, умел заворожить словами, однако выбирал их с тщательностью первоклассного адвоката. В первые дни после исчезновения отца, когда мы с мамой и братом жаждали новостей, Лауриа звонил нам круглосуточно. Он утешал нас, вдохновенно болтая о высоком проценте раскрываемости преступлений, связанных с похищениями людей, и о том, что нередки случаи, когда через две-три недели исчезнувшие вдруг объявлялись, целые и невредимые. Чувствовалось, розыски моего отца стали для Лауриа возможностью прославиться и подняться по карьерной лестнице сразу на несколько ступенек, и поначалу он не жалел времени и сил. «Нью-Йорк таймс» несколько раз цитировала его слова, на страницах хроники происшествий появлялись статьи под броскими заголовками вроде «Бесследное исчезновение известного нью-йоркского юриста». В первые дни газеты пестрели предположениями. Что это? Убийство? Месть недовольного клиента? Дерзкое похищение? А может, адвокат Вин рассердил кого-то из столпов Голливуда?

Однако все сведения, которые полиции удалось получить за две недели, сделали исчезновение моего отца еще более таинственным. Выяснилось: в то утро папа действительно поехал в аэропорт имени Кеннеди, но вместо Бостона вылетел в Лос-Анджелес. Билет купил прямо в аэропорту. Досмотр багажа не проходил за неимением оного. Из Лос-Анджелеса отправился в Гонконг рейсом 888 авиакомпании «Юнайтед эйрлайнз», взяв билет первого класса. Стюардесса вспомнила его. Мой отец отличился тем, что в полете отказывался от спиртного, а вместо газет читал сборник стихов Пабло Неруды. На вопрос, не заметила ли она странностей в его поведении, женщина ответила, что, наоборот, ее поразило спокойствие и исключительная вежливость. Ел он мало, почти не спал, не смотрел фильмы, предпочитая им стихи Неруды.

Прилетев в Гонконг, отец остановился на ночь в отеле «Пенинсьюла», в номере двести восемнадцать, из которого не выходил до самого отъезда. На ужин заказал курицу с карри и минеральную воду. На следующий день сел в самолет гонконгской компании «Катай Пасифик» и рейсом 615 вылетел в Бангкок. Там он поселился в отеле «Мандарин Ориентэл». Отец не таился и не пытался замести следы. Он всегда, будучи в командировках, останавливался в этих отелях. Повсюду расплачивался кредитной карточкой. Служащие отеля были последними, кто видел моего отца. Дальше его след резко обрывался, во всяком случае для полиции.

Спустя месяц после папиного исчезновения нашелся его паспорт. Документ подобрал вблизи бангкокского аэропорта местный строитель.

Ряд фактов говорил о том, что отец не выезжал за пределы Таиланда. Полиция проверила списки пассажиров, вылетавших из Бангкока, и ни в одном из них не обнаружила его фамилии. Лауриа выдвинул версию, что в Таиланде мой отец мог обзавестись фальшивым паспортом и покинуть страну под чужим именем. Несколько стюардесс компании «Тай Эйр» утверждали, что видели похожего человека. Одна уверяла, что он летел в Лондон, другая якобы заметила его на парижском рейсе, а третья – на пномпеньском. Ни одно из этих заявлений не подтвердилось.

А отношения между Лауриа и моей матерью зримо ухудшались. В первые недели следователь не скупился на слова сочувствия родным жертвы и в особенности – его жене. «Горе запечатлелось на ее лице», – уверял он газетчиков. Поначалу его голос в телефонной трубке был полон дружеской заботы и участия, словно и не полицейский звонит, а семейный доктор. Но постепенно в этом голосе появились нотки недоверия. Он забрасывал нас вопросами о прошлом отца и удивлялся нашей неспособности на них ответить. По его мнению, мы тормозили следствие. Разве может жена не знать, где родился муж? А дату и даже год его рождения? Имя родителей мужа? Братьев и сестер? Друзей детства? Мама лишь качала головой.

Согласно архивам Службы иммиграции и натурализации мой отец приехал в Соединенные Штаты в 1942 году из Бирмы[2] по студенческой визе. В 1959 году он получил американское гражданство. Местом своего рождения указал Рангун – столицу тогдашней британской колонии. Запросы по линии ФБР и американского посольства в Рангуне ничего не дали. Вин – слишком распространенная бирманская фамилия, чтобы рассчитывать на успех поисков.

Чувствовалось, что сегодня Лауриа вовсе не настроен пить кофе. Сделав пару глотков, он отодвинул чашку.

– Как ни печально, миссис Вин, но мы зашли в тупик, – сказал следователь, и в его тоне я уловила упрек, адресованный нам с мамой. – Я бы хотел задать вам несколько вопросов. Любая мелочь, какой бы тривиальной она ни казалась, может вывести следствие из упомянутого тупика. – Лауриа достал блокнот и ручку. – Скажите, в последние недели перед исчезновением вашего мужа вы не заметили каких-либо странностей в его поведении? Например, привычек, которых раньше не было. Может, в разговорах проскальзывали незнакомые имена?

– Вы меня уже спрашивали, – с нескрываемым раздражением ответила мама.

– Да. Но возможно, за это время вам удалось что-то припомнить. Так бывает. Повторяю, любая мелочь может оказаться очень важной для нас.

– Я говорила: муж стал чаще медитировать. Обычно он уделял медитации сорок пять минут по утрам. Но с какого-то времени стал медитировать и вечером, после ужина.

– Вы не замечали в его поведении повышенной напряженности или нервозности?

– Скорее наоборот.

– Он что же, стал более беззаботным? – изумился Лауриа.

– Мой отец не был беззаботным, – вмешалась я. – Он был спокойным, нередко совсем тихим. В последние дни перед исчезновением мне казалось, что отец чаще уходил в себя.

– В последние недели он беспрестанно слушал музыку, – добавила мама. – Особенно перед сном. По нескольку часов кряду. Я уже говорила вам, он очень мало спал. Ему хватало четырех-пяти часов.

– А какую именно музыку он слушал?

– Преимущественно свою любимую: Баха, Моцарта, Бетховена, оперы Пуччини. В особенности – «Богему».

Лауриа что-то черканул у себя в блокноте:

– Знаете, что меня особенно поразило? Сверхъестественная приверженность к порядку. Я это подметил не только в его офисе, но и здесь, когда осматривал кабинет и спальню. На столах чисто, вся корреспонденция рассортирована. Даже тумбочка возле кровати совершенно пуста. Никаких журналов или недочитанных книг.

Мама кивнула:

– Он всегда был таким.

– Каким?

– Аккуратным до педантизма, в высшей степени организованным, привыкшим все планировать заранее. Но чем это вам поможет?

---

[2] Сейчас в русском языке закрепилось историческое название этого государства – Мьянма.

Лауриа выдержал долгую паузу, затем сказал:

– Мы предполагаем, что причину загадочного исчезновения мистера Вина нужно искать в первых двадцати годах его жизни. Но нам нужна ваша поддержка, иначе мы и дальше будем ходить по кругу.

– Я рассказала вам все, что знаю, – перебила мама. – О том времени муж никогда не говорил ни со мной, ни с детьми, ни с кем-либо еще.

– Получается, что вы вышли замуж за человека, о котором ровным счетом ничего не знали?

Тон Лауриа изменился, став холодным и циничным.

– Я знала то, что мне нужно знать! – резко ответила мама. Чувствовалось, она хотела поскорее прекратить этот разговор. – Я любила мужа, и это было для меня главным.

Лауриа встал, убрал блокнот и ручку. Слова моей матери остались для него тайной за семью печатями. Он из тех людей, которым нужна предельная ясность во всем, будь то карьера или брак. И в этом они с мамой очень похожи. Но «проницательный» следователь так и не понял, до чего тяжело ей жилось со столь молчаливым человеком, как мой отец.

Лауриа хотел что-то сказать, затем передумал и направился к двери.

– Если будут новости, я вам позвоню, – пробормотал он.

– Благодарю, – холодно ответила мама.

Когда Лауриа ушел, мать опустилась на его стул, сидела молча. С каждой минутой тишина становилась все более гнетущей. Что мешало нам поговорить откровенно? Мама лгала следователю? Может, она все знала и была сообщницей отца? Молчание давило мне на плечи, опустошало. Руки начало покалывать, будто кто-то воткнул в них множество иголок, которых с каждой секундой становилось все больше, они поднимались к груди и плечам. Вот-вот доберутся до головы, и я потеряю сознание. Я хотела заговорить сама, но не смогла выдавить из себя ни звука.

Мама уберегла меня от обморока. Она встала, подошла и обняла за плечи. Ее глаза были полны слез.

– Твой отец бросил меня задолго до своего исчезновения.

4

Бывают ли в нашей жизни катастрофические поворотные моменты, способные в один миг уничтожить привычный мир и изменить нас самих до неузнаваемости? Что происходит с нами, когда любимый человек вдруг объявляет об уходе к другой женщине? Когда мы хороним кого-то из родителей или лучшего друга? Когда врач сообщает о злокачественной опухоли у нас в мозгу?

Но может, эти моменты всего лишь драматическое завершение процессов, начавшихся гораздо раньше, и мы могли бы предвидеть исход, если бы не отмахивались от знаков судьбы, а умели их читать? И действительно ли эти моменты кардинальным образом меняют нашу жизнь, или они всего лишь «черные полосы», временные периоды горя и потрясений? А потом мы возвращаемся к прежним привычкам, симпатиям и антипатиям, заботам и тревогам, наряжая часть из них в новые одежды.

Наконец, если эти поворотные моменты реальны, распознаем ли мы их сразу или замечаем только по прошествии времени?

Прежде я никогда не забивала себе голову подобными вопросами, считая их умозрительной чепухой. И исчезновение отца не стало для меня катастрофическим поворотным моментом. Я любила папу, скучала по нему, но вряд ли моя жизнь в эти четыре года сложилась бы по-иному, будь отец по-прежнему с нами. Его присутствие никак не повлияло бы ни на одно из моих серьезных решений. Возможно, я обращалась бы к нему за советом, но не более того.

Так мне казалось еще неделю назад…

В тот вечер я вернулась домой в девятом часу вечера. Попала под сильный ливень, насквозь промочила ноги и вдобавок промерзла, а потому единственным моим желанием было поскорее оказаться у себя в квартире. Я уже подходила к лифту, когда меня окликнул консьерж.

– Что еще? – недовольно спросила я.

– Вам пакет, – ответил он. – Сейчас принесу. – И скрылся в кладовой, а я осталась ждать.

Дождь хлестал по огромным окнам вестибюля. По мокрому асфальту скользили красные и оранжевые огни машин. Мне безумно хотелось встать под горячий душ, а затем выпить чашку обжигающего чая. Вернулся консьерж и подал мне пластиковый мешок, внутри которого лежал пакет, завернутый в коричневую бумагу и видом своим напоминающий обувную коробку. Я даже не спросила: от кого? Поблагодарив консьержа, прыгнула в лифт и понеслась на тридцать пятый этаж.

Квартира у меня небольшая: спальня, ванная и гостиная с открытой кухней. Мебели немного, зато подобрана со вкусом. В гостиной стоит длинный деревянный стол с четырьмя металлическими стульями. У окна – кресло, на полу – музыкальный центр. Белые стены украшают две картины моего любимого художника Баския[3]. Но главное достоинство квартиры – вид из больших, от пола до потолка, окон. В ясные дни я наслаждаюсь панорамой Манхэттена. Это настоящее произведение искусства, живописное полотно, постоянно меняющее цвета и формы.

Вечерами я любила выходить на балкон. Стояла и мечтала, глядя на Манхэттен и воображая себя его создательницей. Простирала руки, словно готовилась взмыть в небо, и чувствовала себя частью Нью-Йорка. Это был мой город.

Войдя к себе, я привычно проверила сообщения на автоответчике. Все восемь звонков были деловыми. На столе валялась пачка счетов и рекламной мешанины. В гостиной пахло чистящими средствами – домработница опять забыла открыть форточку. Чтобы побыстрее

[3] *Жан-Мишель Баския* (1960–1988) – американский художник, известный своими граффити и работами в жанре неоэкспрессионизма. Ранняя смерть была вызвана отравлением наркотиками.

выветрить неприятный запах, я открыла дверь на балкон. Дождь продолжался. Облака висели так низко, что я почти не видела противоположного берега Ист-ривер. Внизу, по Второй авеню и мосту Квинсборо, тек бесконечный поток машин. Какофония из гудков, визга шин и рева моторов долетала и до тридцать пятого этажа.

Приняв душ, я достала пакет и развернула бумагу. Внутри действительно была старая коробка из-под обуви. На ней лежала записка, написанная маминой рукой. Иногда мама посылала мне поздравительные открытки и подборки газетных вырезок, которые, как ей казалось, могут меня заинтересовать. Она ненавидела автоответчики и, когда не могла дозвониться, оставляла записки. Но вот посылок я от нее не получала очень давно. Это было тем более странно, что мы договорились встретиться завтра за ланчем. Пожав плечами, я открыла коробку. Внутри лежали старые фотографии, документы и бумаги отца. Надеясь на разъяснения, я принялась читать мамину записку.

Джулия!

Эту коробку я обнаружила, когда наводила порядок на чердаке. Она завалилась за старый китайский шкаф. Возможно, ее содержимое тебя заинтересует. От себя я добавила снимок нас четверых. Мне все это больше не нужно. До скорой встречи в субботу.

Твоя мать Джудит

Поверх старых снимков лежала наша семейная фотография, сделанная в день окончания колледжа. Я сияла, держа родителей за руки. Брат стоял позади и обнимал меня за плечи. Мама гордо улыбалась, глядя в объектив. Отец тоже улыбался, хотя и сдержаннее. Как здорово умеют лгать снимки! Посмотришь на нас четверых – идеальная, счастливая семья. Никаких признаков того, что это наша последняя совместная фотография и, что еще хуже, один из нас вот-вот осуществит тайный замысел и исчезнет. Не знаю, зачем мама прислала мне еще один экземпляр этой фотографии. У меня был свой, и в первые недели после отцовской лжепоездки в Бостон я подолгу разглядывала снимок, надеясь получить ответы на лавину вопросов. Я искала хоть какой-то намек, способный послужить разгадкой папиной тайны. Изучала его лицо под лупой, особенно глаза. Сравнивала выражение отцовских глаз с другими снимками. Раньше они светились радостью. На последнем снимке были безучастными. Отцу удалось «сделать лицо» перед фотокамерой, но он не смог «сделать глаза». Совершенно отсутствующий взгляд, словно папа уже нас покинул.

Кроме снимков, в коробке лежали два отцовских паспорта с истекшим сроком годности, свидетельство о натурализации и несколько старых блокнотов, испещренных его пометками. Бостон, Вашингтон, Лос-Анджелес, Майами, Лондон, Гонконг, Париж. Иногда отец за год огибал земной шар по нескольку раз. Он был одним из восьми партнеров юридической фирмы и одним из тех, кто своевременно избрал своей специализацией индустрию развлечений. Отец помогал голливудским студиям заключать выгодные контракты, давал советы по выкупу контрольных пакетов акций убыточных компаний и находил взаимоприемлемые условия слияния студий. В списке его клиентов значились как простые деятели кинобизнеса, так и звезды мировой величины.

Я совершенно не понимала, в чем секрет его профессионального успеха. Да, он работал как вол, но при этом был совершенно лишен личных амбиций. Он не болел тщеславием и никогда не пытался погреться в лучах славы знаменитых клиентов. Его имя не мелькало в колонках сплетен из жизни звезд. Он сторонился приемов и вечеринок, игнорируя даже роскошные благотворительные балы, которые вместе с приятельницами устраивала мама. Стремление любой ценой вписаться в жизнь новой родины, столь типичное для иммигрантов, было ему чуждо. Отец жил одиночкой, отшельником, начисто перечеркивая расхожий образ преуспевающего юриста, нарисованный массовым сознанием. Возможно, именно это и вызывало дове-

рие, потому и поручали ему самые сложные и запутанные дела. Отцовским клиентам нравилось его спокойствие и собранность, отсутствие всякого притворства, бесхитростность и даже какая-то наивность в общении, а также полное безразличие к богатству и славе тех, кто находился перед ним. Но отец обладал еще двумя талантами, которые изумляли клиентов, а коллег и немногочисленных друзей порою откровенно пугали. У него была почти фотографическая память, а также умение безошибочно судить о характере человека. Бегло просмотрев финансовый отчет или контракт, отец запоминал его наизусть. Он дословно цитировал письма и деловые записки, составленные несколько лет назад. Начиная разговор с незнакомым человеком, отец закрывал глаза и сосредотачивался на голосе собеседника, словно находился не в офисе, а в оперном театре. Выслушав несколько фраз, он уже знал, в каком настроении посетитель, насколько этот человек уверен в себе, говорит ли правду или блефует. Иногда отец ошибался, но в основном попадал в «десятку». По его словам, было время, когда он не допускал ни одной ошибки. Став старше, я начала понимать: отец блестяще развил свои природные задатки. Но где и когда?

У кого учился? Сколько я ни приставала с расспросами, сколько ни умоляла рассказать, он лишь улыбался и молчал.

Мне ни разу не удалось его обмануть. Ни в детстве, ни потом.

Самый старый из отцовских блокнотов был датирован 1960 годом. Я перелистала страницы. Ничего примечательного: места и даты деловых встреч, незнакомые имена. И вдруг где-то посредине я наткнулась на стихотворные строчки, выведенные отцовской рукой.

Скажите, а долго ль живет человек?
Живет ли он тысячу дней или только один?
Неделю или несколько сотен лет?
А долго ли человек умирает?
И что это значит – сказать «навсегда»?

Пабло Неруда

На самом дне коробки я обнаружила тонкий голубой конверт авиапочты, аккуратно сложенный в маленький прямоугольник. Я развернула его и прочла адрес:

Ми Ми
Круговая дорога, 38, Кало, провинция Шан,
Бирма

Я колебалась. Вдруг в этом тоненьком конвертике – ключ к отцовской тайне? Что, если у меня впервые появилась возможность по-настоящему продвинуться к разгадке?

Но я не была уверена, что она мне интересна. Нужна ли всем нам эта правда сейчас, спустя четыре года? Мама примирилась с исчезновением мужа. Мне кажется, она даже стала счастливей, чем когда он был рядом. Мой брат жил в Калифорнии и больше думал о создании собственной семьи, чем о пропавшем отце. Между ними никогда не было особо теплых отношений. Последние два года брат вообще не вспоминал о папе. Я полностью ушла в карьеру, мечтая об адвокатской практике. Мои дела были расписаны на несколько месяцев вперед, я участвовала в двух крупных процессах. Смешно сказать, но у меня даже не было бойфренда за неимением времени на личную жизнь. Словом, мы все трое вполне сжились со случившимся и не хотели, чтобы оно снова вмешивалось в нашу жизнь. В тот вечер у меня не было ни сил, ни желания ворошить прошлое. Да и зачем, с какой целью? Я и так вполне счастлива.

Я взяла письмо и подошла к плите. Сжечь – проще простого. За несколько секунд огонь превратит ключ к разгадке в горстку пепла. Я повернула кран. Газ зашипел, автоматическая зажигалка выбросила сиреневую искорку, из которой вспыхнул голубой венчик. Я держала

конверт у самой горелки, чувствуя ее жар. Стоит поднести письмо ближе, и покой в нашей семье будет восстановлен.

Не знаю, сколько я вот так простояла у плиты. Опомнилась, почувствовав, что плачу. По щекам катились слезы, все сильней и сильней, а я не понимала их причину. Не помню, как швырнула конверт на стол и погасила газ. И как очутилась на кровати – понятия не имею. Я лежала, уткнувшись лицом в подушку, и плакала навзрыд, громко всхлипывая, как маленькая.

Проснулась в шестом часу утра, чувствуя себя полностью разбитой. Не сразу вспомнила, что довело меня до такого состояния, а потому списала все на приснившийся кошмар. Встала, прошлепала босыми ногами в гостиную и увидела стол, пустую коробку из-под обуви и голубой конверт…

Приняв душ, я бросила в микроволновку замороженный круассан, приготовила кофе с молоком и, наспех проглотив завтрак, вернулась к письму. Осторожно взяла конверт и достала оттуда такой же тонкий лист бумаги. Я боялась, как бы отцовское послание не рассыпалось у меня в руках.

24 апреля 1955 г. Нью-Йорк

Моя любимая Ми Ми!

С того момента, когда я в последний раз слышал биение твоего сердца, прошло уже пять тысяч восемьсот шестьдесят четыре дня. Можешь себе представить это время, выраженное в часах? А в минутах? Знаешь ли ты, как несчастна птица, лишенная возможности петь, и цветок, которому не дают раскрыть бутон? А как страдает рыба, выброшенная из воды? Мне трудно тебе писать, Ми Ми. Я сочинил такое множество писем, но ни одно не отправил. Разве я могу рассказать что-то, чего бы ты уже не знала? И потом, разве нам для общения нужна бумага, чернила, буквы и слова? Ты была рядом все эти 140 736 часов. Много, правда? И ты останешься со мной, пока мы не встретимся снова. (Прости, что пишу столь очевидные вещи.) Наступит время, и я вернусь. Какими пустыми и плоскими бывают самые прекрасные фразы! Какой скучной и утомительной должна казаться жизнь тем, кто нуждается в словах и прикосновениях, кому для близости необходимо видеть и слышать другого! А все эти несчастные, которым требуются постоянные подтверждения любви! Чувствую, что и это мое письмо не попадет к тебе. Ты давным-давно поняла все, что я мог бы тебе сказать. По правде говоря, я пишу не столько тебе, сколько себе самому, делая жалкие попытки утихомирить мою страсть.

На этом письмо обрывалось. Я прочитала его второй и третий раз, после чего убрала в конверт. Посмотрела на часы: был восьмой час субботнего утра. Дождь прекратился, облака развеялись, и над медленно пробуждающимся Манхэттеном синело небо. За Ист-ривер взошло солнце, наполнив гостиную и весь окружающий мир теплым красноватым светом. Утро предвещало ясный, хотя и холодный день.

Следуя офисной привычке, я взяла лист бумаги, чтобы проанализировать случившееся и выработать стратегию дальнейших действий. Лист так и остался чистым.

Я уже прошла критическую точку и не могла повернуть назад. Я подчинилась решению, принятому за меня, но не знала, кто именно его принял. Номер «Юнайтед эйрлайнз» я помнила наизусть. Прямых рейсов на Рангун не было, и мне предложили вылететь послезавтра утром рейсом на Бангкок с остановкой в Гонконге. В Бангкоке я должна была обзавестись бирманской визой, чтобы в среду лететь в Рангун рейсом компании «Тай Эйр».

– На какую дату будете заказывать обратный билет? – спросил оператор.

Я задумалась.

– Еще не решила.

5

Мама уже ждала меня. Мы договорились встретиться в половине второго в ресторане «Сан-Амбреус» на Мэдисон-авеню. Я пришла на десять минут раньше и застала маму на ее обычном субботнем месте. С красного плюшевого диванчика просматривался весь небольшой зал ресторана, включая капучино-бар. В ожидании меня она заказала бокал белого вина и успела почти весь его выпить. Мама и ее подруги обожали этот ресторан, открывшийся двенадцать лет назад. Им нравились щеголеватые официанты в черных смокингах и подчеркнутое внимание владельца. Паоло (так его звали) приветствовал дам поистине королевским жестом, после чего каждой целовал руку, словно они бывали у него раз в несколько лет. На самом деле мама с приятельницами собирались здесь два-три раза в неделю. Зимой они обсуждали устройство благотворительных балов, а летом ругали автомобильные пробки на Лонг-Айленде, мешавшие добираться до их любимых мест отдыха.

В «Сан-Амбреусе» мама всегда сама выбирала блюда для меня. Это был ритуал. Себе она заказала помидоры с моцареллой, а мне – тарелку салата.

Мама рассказывала о предстоящем благотворительном бале, устраиваемом Обществом защиты животных, попечительницей которого она была. Потом заговорила о выставке картин Фрэнсиса Бэкона[4] в Музее современного искусства. Картины ей жутко не понравились. Я рассеянно кивала, почти не слушая.

Я нервничала. Как она отнесется к моему замыслу?

– Да, мама. В понедельник утром я уезжаю.

Сколько трусости было в моем голосе!

– И куда? – спросила она.

– В Бирму.

– Не смеши меня, – сказала мама, не поднимая головы от тарелки.

Я поморщилась и напомнила себе, что давно уже сама распоряжаюсь своей жизнью. Но прежний стереотип не исчез. Одной такой фразой она могла подрезать любое мое начинание. Я глотнула минеральной воды и заставила себя взглянуть на мать глазами взрослого человека. Она снова стала носить стрижки, а седину красила в темный блонд. Короткие волосы молодили ее, одновременно добавляя жесткости лицу. Острый нос с годами стал еще острее. Верхняя губа почти исчезла, а уголки рта клонились книзу, добавляя выражению лица оттенок горечи. Синие глаза утратили былой блеск, который мне так нравился в детстве. Но была ли вся причина в возрасте, или передо мной сидела женщина, которую не любили? По крайней мере, любили не так, как ей хотелось.

Неужели мама знала о Ми Ми и скрывала это от нас с братом? Должна ли я сейчас рассказать ей о найденном письме? Она дожевывала ломтик помидора с сыром и буравила меня взглядом, который мог означать что угодно, и я, как в детстве, съежилась.

– Надолго едешь? – спросила она.

– Пока не знаю.

– А твоя работа? Ты же говорила, что у тебя в Вашингтоне дел невпроворот.

– Думаю, за две недели ничего страшного не случится.

– Ты никак спятила? Рискуешь карьерой – и, спрашивается, ради чего?

Я ждала этого вопроса и боялась его, поскольку не знала, что ответить. Неотправленное письмо к Ми Ми было написано сорок лет назад. Вряд ли оно имело отношение к исчезновению отца. Я понятия не имела, кто эта женщина, откуда она и какую роль играла в его жизни. Наконец, я не знала, жива ли Ми Ми. Всего-навсего имя и старый адрес бирманской дере-

[4] *Фрэнсис Бэкон* (1909–1992) – современный британский художник-фиг уративист.

вушки, местонахождение которой тоже было для меня загадкой. Я не считала себя импульсивным человеком и доверяла интеллекту больше, чем душевным порывам.

И все же я должна была отправиться в Бирму и разыскать это место. Меня влекла неведомая сила, сопротивляться которой я не могла. Мое рациональное мышление капитулировало перед нею. Впервые в жизни я перестала уповать на один лишь разум.

– И что же ты рассчитываешь там найти? – послышался голос матери.

– Правду.

Мой ответ должен был прозвучать утверждением, но он сам больше напоминал вопрос.

– Значит, правду. Правду, – повторила она. – Чью? Его? Твою? Свою я могу высказать в трех фразах, если тебе будет угодно меня выслушать.

Сколько горечи в ее голосе. Услышь я подобную речь в телефонной трубке, решила бы, что со мной говорит старуха. Я даже не представляла, какую боль она годами носила в себе. Мы ни разу не обсуждали ни ее брак с папой, ни ту знаменательную фразу: «Твой отец бросил меня задолго до своего исчезновения».

– Я хочу узнать, что же произошло с моим отцом. Понимаешь?

– А что тебе это даст четыре года спустя?

– Быть может, он до сих пор жив.

– И что? Неужели ты думаешь, что если бы он хотел связаться с нами, то не нашел бы возможности позвонить или написать?

Увидев, что я застигнута врасплох, мама продолжила наступление:

– Никак тебе в детектива поиграть захотелось? Оставь это полицейским. Если ты что-то нашла в отцовском хламе, почему бы тебе не передать находку Лауриа? Позвони ему. Представляю, как он обрадуется.

Я уже думала об этом сегодня. Заказав билет, часа два просидела в кресле, разглядывая город. И вдруг весь мой замысел показался мне верхом нелепости. В какую авантюру я собираюсь впутаться? Я что, девчонка-подросток, потерявшая голову от любви и готовая отправиться за ней на край света? Если я в восемнадцать не страдала порывистостью, почему должна терять рассудок в двадцать семь? Достаточно было пролистать мой блокнот, чтобы убедиться в абсурдности «бирманской авантюры». Фирма, в которой я работала, выстраивала солидный фундамент для слияния двух крупных телекоммуникационных корпораций. Нам предстояли весьма серьезные переговоры с чиновниками Федеральной комиссии по торговле в Вашингтоне, а еще через несколько недель – в Финиксе и Остине.

Каким боком вписывалась неведомая Ми Ми в мой плотный деловой график?

Я решила позвонить Лауриа, рассказать о находке и спросить совета.

– Лауриа слушает, – раздался в трубке знакомый голос.

Этого хватило. Оценивающий тон, фальшивая сердечность, показной интерес. Подобных уловок мне хватало на работе. Я тоже ими грешила, когда нужно было чего-то добиться от других. Но сейчас речь шла не о слиянии корпораций. Услышав голос Лауриа, я сразу поняла, что ничего не расскажу ему о Ми Ми. Я представила, как лощеный следователь будет вертеть в руках отцовское письмо, вчитываясь в каждое слово, и поморщилась. Какие бы загадки ни скрывались в том послании, Лауриа они не касаются. Это недоступно его пониманию. Он все бесповоротно разрушит и даже не заметит.

Я вдруг поняла: отец доверил мне тайну, сокровище, кусочек своего сердца, раскрыл передо мной душу. Все это предназначалось только для меня, и я не вправе предавать отца.

– Здравствуйте. Это Джулия Вин. Решила позвонить вам и узнать, нет ли каких-нибудь новостей, – соврала я, злясь на себя.

– Новостей? Разве что вы мне о них расскажете.

– Я? Откуда у меня могут быть новости?

– Тогда зачем вы звоните? Мы, кажется, договорились: если появится что-то новое, я сам вам позвоню.

Я попрощалась и повесила трубку.

– Так что ты хочешь знать? – спросила мама.

– Правду.

Она медленно положила нож и вилку, обтерла салфеткой губы и глотнула вина.

– Вот тебе правда: твой отец предал меня. Не один раз и не два. Он предавал меня каждый час, каждый день. Это продолжалось все тридцать пять лет нашей совместной жизни. Ты, наверное, подумала о любовницах, которые тайно сопровождали отца в поездках и с которыми он проводил вечера, якобы задерживаясь на работе. По правде говоря, я даже не знаю, были ли у него такие интрижки. Меня волновало не это. Он предавал меня лживыми обещаниями. Он обещал мне себя – ведь это и есть основа брака. Ради меня он принял католичество. На брачной церемонии вслед за священником повторял слова клятвы, обещая быть со мной «в радости и в горе». Но это были только слова, в которые он не вкладывал душу. Его вера была притворством и любовь ко мне – тоже. Поверь, Джулия: твой отец никогда не отдавал мне всего себя. Даже в лучшие времена.

Она сделала еще несколько глотков.

– Думаешь, я действительно никогда не расспрашивала его о прошлом? Считаешь, меня не интересовали пресловутые двадцать лет его жизни? Когда я спросила в первый раз, он наградил меня кротким, понимающим взглядом… тогда я еще не научилась противиться этому взгляду. Он пообещал, что однажды расскажет мне все. Это было еще до нашей свадьбы, и я поверила ему. Потом мы поженились. Я несколько раз спрашивала, когда же настанет это «однажды». И больше не верила его обещаниям, плакала, устраивала сцены и угрожала разводом. Говорила, что уеду к родителям и не вернусь до тех пор, пока он не перестанет делать тайну из своего прошлого. А он лишь повторял, что любит меня, и невинным тоном спрашивал: «Разве тебе этого недостаточно?» Но как можно говорить о любви и одновременно что-то таить от того, кого любишь?

Вскоре после твоего рождения я нашла в одной из его книг старое письмо. Твой отец написал его сразу после нашей свадьбы, любовное послание к какой-то бирманке. Он хотел все мне объяснить, но я уже не желала слушать. Может, тебя удивит, но для исповеди надо точно выбирать время, иначе она теряет всякую ценность. Если признание обрушивается на нас слишком рано, оно выбивает из колеи, подминает под себя. Мы еще не созрели, чтобы выслушать это откровение. А если оно запаздывает, нам становится все равно. Недоверие и разочарование возвели крепкую стену, и признанию уже ее не разрушить. Слова, сказанные не вовремя, не сближают, а еще больше отдаляют супругов. В моем случае было слишком поздно. Меня уже не интересовали рассказы твоего отца о его прежних возлюбленных. Его откровения лишь углубили бы мои душевные раны. Близости, о которой я мечтала, не было и уже не могло быть. На этот раз я не плакала и не устраивала сцен. Просто сказала: «Если я найду хотя бы еще одно такое письмо, то не стану разбираться, какой оно давности. Просто уйду от тебя, и ты никогда не увидишь ни меня, ни детей…» Угроза подействовала. Больше я не находила никаких писем, хотя раз в две недели внимательно просматривала его вещи.

Мама допила вино и заказала еще. Я попыталась взять ее за руку, но она выдернула ладонь и покачала головой. Похоже, и мой жест сочувствия намного запоздал.

Официант принес новый бокал. Мама отхлебнула и продолжила грустный рассказ:

– Я напряженно думала: как мне защититься? Как заставить его заплатить за боль, которую он мне причинил? И тогда я решила: раз у него есть тайны, у меня они тоже появятся. Я все меньше и меньше делилась с ним, держа мысли и чувства при себе. А он и не спрашивал. Считал: если мне захочется поговорить по душам, я это сделаю без лишних просьб. Иногда я

все же рассказывала ему о чем-то важном, но не о самом главном. Так мы и жили в параллельных мирах, пока он не исчез. У меня на языке давно вертелся вопрос:

– Мама, но, если ты еще до свадьбы столкнулась с отцовской скрытностью, стоило ли выходить за него замуж?

– Он меня очаровал. Когда мы встретились, я была молоденькой наивной дурехой, которой не исполнилось и двадцати двух лет. Мы познакомились на дне рождения у моей подруги. Я и сейчас помню, как он вошел: высокий, худощавый. Мне понравились его полные губы, которые всегда слегка улыбались. Он был таким обаятельным! Женщины его просто обожали, хотя он и держался на вежливой дистанции. Возможно, твой отец не понимал силы своего очарования. Все мои подруги мечтали закрутить с ним роман. Сильный нос, высокий лоб, узкие скулы. Красавец-отшельник. Меня тянуло к нему как магнитом. Он тогда носил круглые очки в черной оправе, и они лишь подчеркивали его красивые глаза. Каждое его движение дышало легкостью и изяществом. Прибавь к этому красивый голос. Как сейчас говорят, его аура располагала к себе людей. Даже на моих родителей он произвел благоприятное впечатление. О таком зяте можно было только мечтать: умный, образованный, с безукоризненными манерами, уверен в себе, но без малейших следов тщеславия и заносчивости. Тем не менее существовала одна причина, заставлявшая их рьяно противиться моему браку. Думаю, даже на смертном одре твои дедушка и бабушка не простят мне, что я вышла замуж за «цветного». Я тогда в первый и последний раз по-настоящему взбунтовалась против их воли. Всего однажды «выбилась из рамок» и теперь всю жизнь расплачиваюсь.

Она глубоко вздохнула. В это время официант принес тарелку с дымящимся ризотто, но мама даже не притронулась к любимому блюду.

– Конечно, если тебе так хочется, лети в Бирму, – уставшим голосом сказала она. – Когда вернешься, я не задам ни одного вопроса. И твоих рассказов не стану слушать. Что бы ты там ни нашла, меня это уже не интересует.

У подъезда стояло такси, готовое отвезти меня в аэропорт. Утро вновь было холодным и ясным. Водитель прохаживался около машины и курил. Консьерж вынес мой чемодан и засунул его в багажник, а когда я уже собиралась сесть в машину, он подал мне письмо. Оно пришло не по почте. Консьерж сказал, что полчаса назад его принесла пожилая дама и попросила отдать мне. Я взглянула на конверт, подписанный маминой рукой. Почему она не поднялась наверх или не подождала меня внизу?

Такси тронулось. Когда водитель свернул со Второй авеню в туннель Мидтаун, я вскрыла конверт.

Моя дорогая Джулия!

Ты прочтешь эти строки на пути в Бирму – родину твоего отца. Что бы ты ни искала там, надеюсь, поиски будут успешными.

Я решила написать, поскольку у меня не шел из головы наш разговор в «Сан-Амбреусе». Я могла бы сказать тебе все это еще вчера, когда ты мне позвонила, чтобы попрощаться. Но о таких вещах трудно говорить по телефону.

Помнишь, как я отнеслась к твоему намерению отправиться в Бирму? Сама не знаю, почему меня это так задело. Возможно, во мне поднялась вся горечь, вся обида на неудачный брак, который тем не менее длился почти тридцать пять лет. Да, брак с твоим отцом был громадной ошибкой для нас обоих, хотя мы ни разу не признали это вслух. Может, я испугалась, что ты встанешь на его сторону и начнешь во всем винить меня? Прости меня за эти мысли.

Дома я снова и снова возвращалась к нашему разговору и к твоему желанию узнать правду. Помнишь, ты спросила, зачем я вышла за твоего отца замуж, если мне не нравилась его скрытность? Я отговорилась молодостью и глупостью. В тот момент у меня просто не было сил сказать тебе то, что ты имеешь право знать. Пусть и с опозданием, но я делаю это сейчас.

Твой отец не хотел на мне жениться. Между днем, когда я впервые завела разговор о свадьбе, и собственно церемонией прошло два года. Я делала все, чтобы завоевать его сердце. Поначалу он говорил, что мы мало знакомы и нам нужно получше узнать друг друга. Потом появилась другая отговорка: мы еще слишком молоды и незачем торопиться. Незадолго до свадьбы он предупредил меня, что, скорее всего, не сможет оправдать моих ожиданий и любить меня так, как бы мне хотелось. Я считала его слова обычными мужскими глупостями и не прислушивалась к ним. Я не верила ему. Все это лишь подхлестывало и укрепляло мою решимость выйти за него. Я хотела видеть своим мужем только его и никого другого. В первые месяцы нашего знакомства у меня закралось подозрение: не осталась ли у него в Бирме жена? Но он клялся, что холост, не вдаваясь, однако, ни в какие подробности своего прошлого. Впрочем, меня они тогда и не волновали. Я была уверена: в конце концов он не сможет сопротивляться моей любви. Бирма – она далеко, а я – рядом. Даже если у него там кто-то и остался, он засыпал и просыпался рядом со мной. Я хотела завоевать его. Что двигало мною? Тщеславное желание во что бы то ни стало добиться своего? Или это был бунт благовоспитанной девочки из обеспеченной семьи? Я восставала против мира моего отца, а лучшего вызова, чем брак с «цветным», невозможно придумать.

Много лет я искала ответ, но так и не нашла. Возможно, мною двигало сразу несколько причин. Потом я поняла, что мечтала о невозможном. Мне никогда не изменить этого человека и не сделать его тем, о ком я мечтала. Но, увы, было слишком поздно. Поначалу мы оставались вместе ради тебя с братом. Потом… потом у нас не хватило мужества расстаться. Во всяком случае, у меня. Что удерживало твоего отца, я не знаю.

Наверное, теперь уже и не узнаю.

Мне хотелось сообщить тебе все это в самом начале твоих поисков.

Береги себя, и да хранит тебя Бог.

Твоя мать Джудит

6

Я безумно устала. Не могла пошевелить ни рукой, ни ногой, но и сон не шел. Я просыпалась, едва задремав, и на меня тут же набрасывался ворох вопросов. Казалось, кто-то безостановочно выкрикивает их мне в уши. Так продолжалось всю ночь. Я резко вскакивала и смотрела на зеленые цифры дорожного будильника. Половина третьего… Десять минут четвертого… Без двадцати четыре.

Утро желанного облегчения не принесло. Я ворочалась с боку на бок или лежала на спине, уставившись в потолок. Меня мутило. Отчаянно болела голова, а сердце колотилось так, будто кто-то давил мне на грудь. В подобное состояние я впадала накануне важных совещаний или переговоров в Нью-Йорке.

В открытое окно дул легкий ветер, принося с собой утреннюю прохладу и совершенно незнакомые запахи.

Рассвело. Я встала, подошла к окну. Небо было синим, без единого облачка. Солнце пока еще пряталось за горами. На лужайке перед гостиницей росли деревья, цветы и цветущие кустарники. Открывшийся пейзаж вполне мог сойти за иллюстрацию к книжке сказок. Здешние краски были сильнее и первозданнее, в Америке я подобных не видела. Мне сразу вспомнились фантасмагорические картины Баския. Даже обычные маки поражали насыщенностью красного. Они словно светились изнутри.

Увы, красоты за окном не компенсировали отсутствия горячей воды в душе.

Ресторана в привычном понимании тоже не обнаружилось. Помещение, куда я отправилась завтракать, так и называлось – комната для завтраков. Ее стены и потолок были обшиты темным деревом. Из всех столиков накрытым оказался лишь один, у окна. Остальные пустовали. Ничего удивительного: я была единственной гостьей здешнего отеля.

Официант приветствовал меня глубоким поклоном. Меню не баловало разнообразием: глазунья и омлет, из напитков – кофе и чай. О сухих завтраках и рогаликах официант даже понятия не имел. Не водилось здесь и жареных колбасок с сыром.

– Вам глазунью или омлет? – повторил вопрос официант.

– Омлет, – ответила я, и он уважительно кивнул.

Комната для завтраков была довольно просторной. Официант бесшумно, словно по воздуху, прошел в дальний конец и скрылся за вращающейся дверью.

Мне было одиноко и неуютно. Казалось, у всех столиков и стульев есть глаза, напряженно следящие за каждым моим движением. Сколько же времени нужно повару, чтобы приготовить порцию омлета и чашку кофе? И почему из кухни не слышно голосов? Уж не сам ли официант стоит у плиты? Тишина подавляла, в ней нарастало что-то зловещее. Интересно, а у безмолвия есть свой «регулятор громкости»? Еще через пару минут мне захотелось орать во все горло. Я демонстративно кашлянула и постучала ножом по тарелке, чтобы услышать хоть что-то. Чертова тишина! Она поглощала все звуки и лишь жирела на моем беспокойстве.

Тогда я встала и вышла в сад. Дул ветер. Никогда еще шелест листвы, жужжание пчел и стрекотание кузнечиков не были таким бальзамом для моих ушей.

Долгожданный омлет подгорел, а кофе заметно подостыл. Официант стоял в углу, улыбался и кивал, глядя, как я жую пережаренный омлет, запивая его теплым пойлом. Я тоже улыбалась и кивала. (А что еще мне оставалось?) Потом заказала вторую чашку кофе и достала путеводитель. Городишке, в который я так долго добиралась, «гид путешественника» отводил одну жалкую страничку.

«Кало расположен на западном склоне плато Шан, в годы колониального владычества был горным курортом, популярным среди англичан. Сегодня это тихий, сонный городок, в

котором еще сохранились приметы колониальной эпохи. Кало находится на высоте 4300 футов (около 1300 м) над уровнем моря. Воздух отличается приятной прохладой, что делает окрестности городка идеальным местом для прогулок по сосновым и бамбуковым лесам. Гуляя, вы можете любоваться захватывающими видами на горы и долины провинции Шан.

Население Кало представляет собой уникальное смешение шанцев, бирманцев, жителей различных горных племен, индийских и бирманских мусульман, также непальских гуркхов. (Гуркхи, отличавшиеся большой выносливостью, одно время служили в британской армии.) Многие местные жители обучались в миссионерских школах, поэтому вполне сносно говорят по-английски, особенно старшее поколение. Вначале преподавателями там были англичане, а затем американцы, работавшие в Кало вплоть до 70-х гг.».

В числе достопримечательностей упоминались три пагоды и рынок. В Кало имелись бирманский, китайский и непальский ресторанчики, кинотеатр и несколько чайных домиков. Гостиница, где я остановилась, была выстроена англичанином. Тюдоровский стиль добрался и сюда. С колониальных времен отель оставался самым внушительным зданием Кало. Путеводитель вскользь упоминал еще о нескольких маленьких гостиницах и гостевых домиках, «удовлетворяющих самые скромные потребности».

Допив вторую чашку все такого же теплого кофе, я отправилась в сад и уселась на скамейку под сосной. От утреннего холодка не осталось и следа. Вместе с солнцем явилась жара. Воздух был густо наполнен сладковатыми запахами.

Откуда же мне начать поиски Ми Ми? Единственной зацепкой был старый адрес:

Круговая дорога, 38, Кало, провинция Шан, Бирма.

Но этому адресу почти сорок лет. Мне обязательно нужна машина и туземец, хорошо знающий окрестности городишки. Что еще? В записной книжке я набросала план действий:

1. Нанять автомобиль с водителем.
2. Найти местного гида (должен же кто-то обслуживать туристов).
3. Просмотреть местную телефонную книгу.
4. Купить карту (Кало и окрестности).
5. Искать адрес Ми Ми.
6. Если она переехала, расспросить соседей и навести справки в 7. полиции.
8. Расспросить полицейских об отце.
9. Встретиться с местным мэром и/или городскими властями.
10. Попытаться найти других англичан и американцев, находящихся сейчас в Кало.
11. Показывать фото отца в чайных домиках, гостиницах и ресторанах.
12. Самой проверить все гостиницы, клубы и т. д.

Готовясь к встречам или совещаниям, я всегда намечала общую стратегию и собирала необходимые сведения. Привычное занятие подействовало на меня успокаивающе.

В гостинице мне порекомендовали водителя, который по совместительству выполнял обязанности гида. Сейчас он куда-то повез двух датских туристов и должен вернуться вечером, часам к восьми. Имело смысл его дождаться, хотя это и означало, что поиски откладываются до завтра. А почему бы не расспросить У Ба? Пусть он и обманщик, но вдруг что-то знает о Ми Ми? Он всю жизнь безвылазно просидел в Кало, да и по возрасту они с Ми Ми, похоже, ровесники. Возможно, он ее знает.

Был первый час дня, и я решила устроить себе пробежку. После долгого пути тело требовало физической нагрузки. Да, стояла жара, но горный воздух и ветер делали ее вполне снос-

ной. Выносливости мне не занимать; даже в самые знойные и душные летние вечера я могла накрутить несколько миль, гоняя по Центральному парку.

Бег мне помог, освободил меня. Я перестала обращать внимание на глазеющих туземцев, не закрывалась от их взглядов, полностью сосредоточившись на своем дыхании. Казалось, что я могу убежать от всего странного и пугающего. Бег давал возможность наблюдать за окружающим миром, не позволяя ему следить за мной. Я мчалась по главной улице, мимо мечети и пагоды, потом обогнула рынок, пробираясь среди конных и воловьих повозок. В одном месте протиснулась сквозь группку молодых монахов. До чего же здесь все медлительны! Идут, еле переставляя ноги. Единственное их достоинство – легкая, бесшумная походка. Но этому можно научиться, а вот пусть они попробуют двигаться в моем темпе. Приспосабливаться к их ритму я не собиралась. Мне нравилось ощущать силу в ногах. Полчаса бега меня ничуть не утомили. Я вернулась в гостиницу и, подражая местным жителям, почти неслышно поднялась по лестнице.

Приняв холодный душ, я растянулась на кровати, отдохнувшая и довольная.

Усталость подстерегла меня на пути к чайному домику. Ноги вдруг стали тяжелыми, навалилось беспокойство. Предстоящий разговор с У Ба пугал. Я не знала, что́ услышу, а сюрпризы никогда не любила. Что он сейчас мне расскажет и какой процент его слов окажется правдой? Я намеревалась подробно расспросить его о Ми Ми. Если начнет увиливать и путаться, сразу же уйду.

У Ба ждал меня. Он встал, поклонился и взял мои ладони в свои. Его кожа была мягкой, а руки – приятно теплыми. Мы сели. Он заказал два стакана чая, пару пирожных и молча взглянул на меня. Потом закрыл глаза, глубоко вздохнул и начал рассказывать.

7

Декабрь в Кало – месяц холодный. Небо голубое, безоблачное. Солнце перекатывается с одного края горизонта на другой, но уже не поднимается высоко и совсем не греет. Воздух чист и свеж, и только очень чувствительные носы способны уловить остатки сладкого тяжелого запаха сезона тропических дождей. Тогда облака нависали над городком и долиной, едва не задевая крыш и верхушек деревьев, а бесконечные ливни, казалось, решили досыта напоить вечно жаждущую, растрескавшуюся от зноя землю. Духота в сезон дождей была густо насыщена влагой. На рынке стоял смрад от гниющего мяса. По грудам кишок, по осклизлым коровьим и овечьим че репам ползали осоловевшие мухи, слишком ленивые, чтобы кусаться. Казалось, что сама земля вспотела. Из всех ее щелей выползали черви и насекомые. Безобидные ручейки превращались в стремительные потоки, способные поглотить беспечных поросят, ягнят и маленьких детей, чтобы потом выплюнуть где-то в долине их безжизненные, обезображенные тела.

Декабрь совсем не такой. Декабрь обещает жителям Кало отдых от буйства природы. Сулит холодные ночи и щадяще прохладные дни.

Мья Мья считала декабрь лжецом. Она сидела на деревянном стульчике напротив своего дома и смотрела вдаль – туда, где до самых холмов тянулась долина, расчерченная прямоугольниками полей. Воздух был настолько прозрачным, что женщине казалось, будто она смотрит в увеличительное стекло. Или даже в особую трубу белых людей, приближающую предметы. За всю свою жизнь Мья Мья не могла припомнить ни одного облачка на декабрьском небе. И все равно не доверяла природе, считала ее коварной. За несколько минут самое чистое небо могут затянуть тучи, и тогда вновь начнется ливень. А ветерок способен превратиться в ураган, хотя на пути бурь, прилетавших с Бенгальского залива, надежными стражами стояли горы, окружавшие Кало. Мья Мья упорно твердила, что природа – обманщица. Если в мире существуют ураганы, какой-нибудь из них однажды прорвется и к их городку. Или начнется землетрясение. Даже в такой день. Особенно в такой, когда внешне ничто не предвещает беды. Благодушие по отношению к природе всегда чревато предательством оной. Подобной роскоши Мья Мья не могла себе позволить, понимание этого шло из глубины сердца, не знавшего покоя. И вообще, если последний где-то и существовал, то не в этом мире. И не в ее жизни.

Нет, Мья Мья не родилась с таким мировоззрением. Когда-то она рассуждала иначе. Но семнадцать лет назад, в знойный августовский день, жизнь преподала ей суровый урок. Они с братом-близнецом играли у реки, а тот вдруг поскользнулся на мокрых прибрежных камнях и упал в воду. Он кричал и отчаянно махал руками, словно муха, оказавшаяся под стаканом. А потом река подхватила его и понесла. Брат Мья Мья отправился в путешествие. В вечное странствие. А она могла лишь беспомощно стоять на берегу и смотреть, как бурное течение уносит его прочь. Голова мальчика несколько раз исчезала под водой и появлялась снова. Мья Мья надеялась, что он выберется на мель, вырвется из потока… Потом его лицо в последний раз мелькнуло над водой, и больше она брата не видела.

Священник назвал бы случившееся проявлением Божьей воли. Испытанием, через которое Господь в своей бесконечной мудрости возжелал провести семью Мья Мья. И добавил бы слова о неисповедимости путей Господних.

Буддистские монахи связали происшествие на реке с прежними жизнями мальчика. Должно быть, в одной из них он сделал что-то ужасное. Возможно, кого-то убил. Его ранняя смерть стала наказанием за дурные поступки прошлого.

На другой день после трагедии местный астролог предложил свое объяснение. Дети отправились играть, пойдя в северном направлении, что было абсолютно недопустимо. Учитывая день их рождения, им ни в коем случае нельзя по субботам в сторону севера. Неуди-

вительно, что один из них попал в беду. Обратись семья к астрологу раньше, он бы их предостерег. И пятилетняя Мья Мья впервые задумалась о том, насколько проста и в то же время сложна жизнь.

Частичка ее самой погибла вместе с братом. Но по ней никто не устраивал траурных церемоний. Да и брата не оплакивали. В семье даже не заметили, что его не стало. Родители Мья Мья были крестьянами, и все их заботы сводились к тому, чтобы вовремя посеять и убрать урожай и накормить оставшихся детей. Было пять голодных ртов, стало четыре. Взрослые и так гнули спину от зари до зари, силясь обеспечить каждого миской риса с овощами.

До внутренних переживаний Мья Мья никому не было дела. Родители и не подозревали, что дочь ощущает себя полумертвой. Все последующие годы она отчаянно старалась склеить разбитый вдребезги мир. Каждый день ходила к реке, садилась у того места, где в последний раз видела брата, и ждала, что произойдет чудо и он вынырнет из воды. Но та, забрав добычу, никогда ее не возвращала. Вечером, перед сном, Мья Мья разговаривала с братом, зная, что он ее слышит. Она рассказывала ему, как прошел день, спала на его половине циновки, укрывалась его одеялом и даже спустя несколько лет ощущала его запах.

Мья Мья отнюдь не была лентяйкой, но наотрез отказывалась полоскать в реке белье. И вообще сторонилась воды, мылась только в присутствии родителей, словно могла утонуть в ведре. Она надевала определенную одежду в строго определенные дни и до пятнадцати лет все субботы проводила в полном молчании, а по воскресеньям постилась. Мья Мья создала себе целое нагромождение ритуалов, внутри которого и жила.

Это дарило иллюзию защиты.

После гибели брата Мья Мья ее родители стали навещать астролога не раз в год, а чуть ли не каждую неделю. Потом начали приводить с собой детей. Все садились перед звездочетом на корточки и ловили каждое слово. Любые его наставления неукоснительно выполнялись. Семья верила: этот человек способен уберечь их от всех жизненных напастей. Если он не советовал по каким-то дням ходить в соседнюю деревню, все оставались дома. Ни одно семя не ложилось в землю без его одобрения. Когда старшая сестра Мья Мья собралась выходить замуж, астролог отговорил, сообщив, что между ее звездами и звездами жениха нет благоприятных сочетаний.

Мья Мья относилась к словам астролога даже серьезнее родителей. Она боготворила старика, выполняла все его предписания и благодаря им чувствовала себя защищенной. Поскольку она родилась в четверг, субботние дни таили для нее опасности, особенно субботы апреля, августа и декабря. Астролог неустанно твердил ей об этом. Несколько лет Мья Мья старалась в эти дни вообще не выходить из дому. Так длилось, пока в одну из суббот (дело было в апреле!) не вспыхнуло одеяло, висевшее рядом с очагом. Мья Мья едва успела выскочить. Разбушевавшийся пожар за считаные минуты уничтожил хлипкую хижину, а заодно лишил Мья Мья последних крупиц уверенности, что в мире есть место, где она может чувствовать себя в безопасности.

Треск полена в очаге вывел Мья Мья из воспоминаний. Она зябко поежилась, встала и подошла к очагу. Вода в кадке успела покрыться хрупкой корочкой льда. Мья Мья поворошила дрова и проломила ледяной покров. Его сразу же поглотила вода.

Мья Мья глубоко вздохнула, обхватила руками живот и оглядела свое тело. Она была миловидной молодой женщиной, хотя сама о себе так не думала, и никто ей этого не говорил. Ее толстая черная коса доставала до пояса. Большие темные и почти круглые глаза и пухлые губы придавали лицу чувственное выражение. У Мья Мья были длинные тонкие пальцы, а руки и ноги при всем изяществе отличались мускулистостью. Она не сильно располнела. Вода в теле тоже не скапливалась. Только живот был круглым, полным и большим настолько, что даже сейчас, почти в конце срока, казался ей чем-то чужеродным, существующим вне ее.

Удар изнутри живота был похож на легкий пинок. Вот опять.

Схватки начались вчера вечером, повторяясь каждый час. Теперь малыш давал о себе знать раз в несколько минут. Волны боли стремились сокрушить ее крепость, делаясь все сильнее и настойчивее. Мья Мья вдруг осознала: у нее начинаются роды. Она попыталась хоть за что-то ухватиться, но рядом ничего не оказалось. Как же не хотелось рожать сегодня, в субботу, да еще и декабрьскую.

Соседка, мать четверых детей, сказала, что у Мья Мья легкие роды, в особенности для первенца. Сама Мья Мья ничего не помнила. Несколько часов она провела в ином измерении, где руки и ноги подчинялись ей совсем не так, как обычно. Изменились все телесные ощущения. Она воспринимала себя как одну громадную рану. Перед глазами стояли густые дождевые тучи, а потом прилетела бабочка и опустилась ей на лоб. Она увидела брата в потоке воды; совсем как в тот, последний, раз. Легким перышком пронеслась мысль: ребенок, родившийся в субботу. Это знамение? Новое воплощение брата?

Она услышала плач младенца. Не хныканье, а сердитый, недовольный крик. Кто-то сказал, что у нее мальчик. Мья Мья открыла глаза. Неужели это и есть воплощение брата? Уродливый, сморщенный, перепачканный кровью комочек? Беспомощный сверток со сплющенной головой и сморщенным личиком?

Мья Мья понятия не имела, что делать с новорожденным. Она пришла к материнству полностью опустошенной. Вся любовь, которая жила в ней, исчезла. Утонула в реке в тот знойный августовский день.

8

Трудно упрекнуть Мья Мья в том, что она не старалась стать своему первенцу хорошей матерью. Поначалу она тщательно выполняла все советы соседки. Прикладывала младенца к полной, сочащейся молоком груди. Укачивала, чтобы заснул, а если сыну не спалось, носила на руках. Отправляясь за покупками, Мья Мья привязывала сына к своему телу. По ночам она лежала, слушая ровное дыхание мужа и сопение ребенка. Тот дышал часто-часто, словно торопился наполнить маленькое тельце воздухом. Мья Мья смотрела на него и пыталась хоть что-то почувствовать. Она ждала, когда в ней проснутся настоящие материнские чувства. Смотрела на все еще сморщенное личико сына, протягивала ему ладонь, чтобы он схватился своей ручонкой за ее палец, и… ничего не ощущала. Пустота в ее душе не желала заполняться.

Мья Мья перевернулась на бок, прижала к себе младенца. Вначале осторожно, потом сильнее, еще сильнее. Объятие было судорожным, граничащее с ненавистью. На Мья Мья смотрели два больших карих глаза. В них застыло изумление. Мья Мья ничего не чувствовала. Мать и сын казались двумя однополюсными магнитами, которые будут отталкиваться, сколько ни пытайся их сблизить.

Наверное, ей требуется время, чтобы привыкнуть к ребенку. Однажды в ней проснется материнский инстинкт и постепенно превратится в привязанность, а из нее родится чудо любви. Возможно, так и случилось бы, если бы не история с курами.

Это произошло ровно через две недели после рождения сына. В очередную субботу. Солнце только что взошло. Мья Мья вышла во двор за дровами. Утро было холодным, и она торопилась поскорее вернуться в хижину. Набрав хворосту, решила взять несколько полешек потолще, хранившихся с другой стороны дома. Завернув за угол, Мья Мья наткнулась на мертвую курицу, та лежала рядом с поленницей, и Мья Мья чуть на нее не наступила. Птичий труп не слишком напугал молодую мать, но около полудня она нашла второй. Полдень был временем рождения ее сына. Вскоре обнаружились еще две мертвые несушки и один петух. Муж Мья Мья смотрел на несчастных кур и лишь качал головой. Еще вчера они, деловито кудахтая, разгуливали по двору, а сегодня… Что же случилось? На птицах не было следов собачьих или кошачьих зубов. Не тигр же их убил ударом лапы! Но Мья Мья не столько занимала причина куриных смертей, сколько сам факт. Мертвые тушки подтвердили худшие страхи, став тем внезапным ливнем, ураганом и даже землетрясением, которого она всегда страшилась и втайне желала. Мья Мья поняла: на сыне лежит проклятие. Он – вестник бед. Астролог это предсказывал. Ей ни в коем случае нельзя было рожать в субботу, да еще в декабре.

Даже то, что в последующие дни с десяток соседских кур померли столь же загадочным образом, никак не успокоило Мья Мья. Наоборот, укрепило худшие опасения. Она знала: это лишь начало и беды, принесенные ее сыном в мир, обрушатся не только на их семью.

Ночами она лежала без сна, в ожидании новых напастей. А в том, что они произойдут, Мья Мья не сомневалась. Это было вопросом времени. Любой младенческий вздох и шорох, покашливание и храп звучали для нее раскатами грома. Боясь пошевелиться, Мья Мья напряженно вслушивалась в каждое движение ребенка. Даже его дыхание представлялось ей тропкой, по которой крадется беда.

Через неделю у Мья Мья пропало молоко. Груди повисли спущенными воздушными шариками. К счастью, у соседской подруги тоже был грудной малыш, и молока хватало на двоих. Когда сына уносили кормить, Мья Мья искренне радовалась. Она хотела поговорить с мужем, объяснить, что дальше так продолжаться не может.

Нужно действовать.

9

Кхин Маунг считал страхи жены преувеличением. Конечно, сам он тоже верил в силу звезд. Каждому известно, что день, час и даже минута рождения определяют весь дальнейший ход нашей жизни. Тут сомнений быть не могло. Кхин Маунг соглашался с женой и в том, что человек мудрый постарается избегать несчастий, а потому будет прислушиваться к советам астролога. Например, в определенные дни не работать, а проводить время в созерцании. Да и ритуалами не стоит пренебрегать, если хочешь, чтобы звезды были к тебе благосклонны. Разумеется, Кхина, как и Мья Мья, не радовало, что сын родился в субботу декабря. Опять-таки всем известно, что звезды не благоволят к таким детям, наделяют трудной судьбой, из-за чего их душам редко удается расправить крылья. В любой семье найдется родственник, или сосед, или брат соседа… словом, везде знали историю бедолаги, родившегося в неблагоприятный день. Всю жизнь такой человек влачил участь побитой собаки или чахлого растения, выросшего в тени. Будущее сына не вызывало у Кхина Маунга иллюзий. Но признать, что на мальчике лежит проклятие… на это смелости не хватало. (История с мертвыми курами обеспокоила и его, хоть он и не сознавался жене.) Когда Мья Мья предложила сходить к астрологу, Кхин Маунг с готовностью согласился, и не только потому, что не умел отказывать людям. Он и сам надеялся, что старик утешит жену своей мудростью, а если звезды подтвердят ее страхи – посоветует, как можно уменьшить или даже избегнуть несчастий, грозящих их сыну.

Астролог жил на окраине города, в простой деревянной хижине. Внешне ничто не говорило о громадном уважении, каким он пользовался у жителей Кало. Никто из них не начинал строить дом, не уточнив у астролога, хорошо ли выбрано место для будущего жилья. Фундамент закладывался только при благоприятном расположении звезд. Прежде чем устраивать свадьбу, жених с невестой или их родители приходили к звездочету и просили проверить на совместимость гороскопы нареченных. Астролог советовался со звездами о лучших днях охоты или поездки в столицу. Предсказания были настолько точны, что слава о нем разнеслась далеко за пределы Кало. К нему приезжали и приходили из окрестных деревень и даже из отдаленных уголков провинции. Поговаривали, что многие англичане, жившие в Кало и открыто насмехавшиеся над бирманской астрологией, называя ее вместилищем суеверий, тайком обращались к нему за советом. Правда, доказательств этому не было, и слухи оставались слухами.

Когда супруги пришли, астролог, скрестив ноги, сидел посреди комнатки, в которой обычно принимал посетителей. Кхину Маунгу подумалось, что круглая голова предсказателя похожа на полную луну. Глаза, нос и рот старика были идеально правильными, картину искажали лишь большие торчащие уши. Никто не знал, сколько ему лет. Даже глубокие старики не помнили его молодым, поэтому все считали, что астрологу больше восьмидесяти. Спрашивать звездочета о возрасте никто не осмеливался, а сам он о себе никогда не говорил. Мудрыми чертами лица и рассудительностью он резко отличался от многих здешних стариков, сморщенных и слабоумных. Никто не помнил, чтобы астролог на кого-то рассердился, повысил голос. Нет, его речь всегда была негромкой и мягкой, а зрение и слух оставались на уровне двадцатилетнего юноши. Годы испещрили морщинами лицо, однако кожа не висела безобразными складками, как у большинства стариков.

Поклонившись, Кхин Маунг и Мья Мья остановились на пороге, не решаясь войти. Для молодой матери это было тем более странно: она приходила сюда столько раз, что давно сбилась со счета. Но каждый визит к астрологу вызывал дрожь в коленках. Приходя сюда, она неизменно испытывала глубокое почтение к старику и благоговейный трепет перед его мудростью. Кхин Маунг был здесь впервые, и к чувству почтения примешивалось обыкновенное любопытство. Родители Кхина постоянно навещали астролога, но его с собой не брали. Даже

когда он собрался жениться на Мья Мья, пошли к старику одни и лишь потом объявили сыну, что звезды благоприятствуют такому союзу.

Прежде чем поклониться вторично, Кхин Маунг огляделся по сторонам. Стены и пол хижины были из темного тика. Из двух открытых окон лился солнечный свет, в его лучах кружились пылинки. Половицы истерты ногами многочисленных посетителей, что особенно бросалось в глаза там, где солнце начертило два ярких прямоугольника. Почему-то это сияние вызвало у Кхина Маунга дрожь во всем теле. Потом его взгляд упал на сверкающую золотую фигурку Будды, обрамленную деревом. Такую красоту Кхин Маунг видел впервые. Он опустился на одно колено и коснулся лбом пыльного пола. Перед Буддой висели две гирлянды, сплетенные из живых цветов, и стояло блюдо с приношениями. Кто-то любовно выложил на нем пирамиду из четырех апельсинов. Рядом лежали два банана, плод папайи и горка чая. На стенах висели белые бумажные листы, исписанные множеством мелких букв и цифр. По углам, в особых вазах с песком, курились благовония.

Старик кивнул. Кхин Маунг и Мья Мья приблизились к нему и опустились на соломенные циновки, встав на колени. Мья Мья слышала только бешеные удары своего сердца. Весь разговор, все вопросы она поручила мужу. Об этом они условились еще дома. Так было положено, хотя за неполный год совместной жизни Мья Мья убедилась, что ее супруг предпочитает молчать. Две-три фразы за вечер – и никаких тебе душевных разговоров. Зато она никогда не видела мужа раздраженным, взбудораженным или сердитым. Радость его тоже была тихой, почти незаметной. Легкая улыбка на губах – вот и все проявление чувств. Но Кхин Маунг вовсе не был отрешенным созерцателем. Наоборот, он считался одним из самых работящих крестьян. День его начинался с рассветом, и на поле он появлялся гораздо раньше других. Жизнь представлялась ему спокойной рекой, чье течение раз и навсегда предрешено судьбой. Любая попытка серьезного вмешательства в предначертанное была обречена на провал и грозила бедами. Он был трудолюбив, но не тщеславен, любознателен, но не назойлив, а его счастье не выражалось в бурной радости.

Стоя на коленях перед астрологом, Кхин Маунг заговорил не сразу.

– Досточтимый мудрец, – услышала Мья Мья тихий голос мужа, – мы пришли спросить вашего совета.

Старик кивнул.

– Три недели назад, в субботу, у нас родился сын, и мы хотим знать, грозят ли ему беды.

Астролог взял кусок мела, грифельную доску и попросил назвать день и точное время рождения ребенка.

– Третье декабря, одиннадцать часов сорок минут утра, – сказал Кхин.

Астролог записал данные в маленькие квадратики и начал вычисления. Вскоре на доске появились новые цифры и непонятные молодым родителям знаки. Часть из них он зачеркивал. Затем провел несколько параллельных линий и нарисовал на них круги и полукруги. Если бы молодые родители знали о существовании нотной записи, подумали бы, что астролог пишет симфонию жизни их сына.

Спустя несколько минут старик отложил доску и поднял взгляд. Он больше не улыбался.

– Этот ребенок принесет несчастья своим родителям, – сказал он. – Большие несчастья.

Мья Мья вдруг почувствовала себя на краю пропасти, и не было рядом ни дружеской руки, ни даже ветки, за которую можно ухватиться.

Старик говорил еще что-то. Муж задавал вопросы, но Мья Мья не прислушивалась к разговору. Голоса обоих звучали приглушенно, издалека, словно из другой хижины. Из другой жизни. «Большие несчастья».

– Какие именно беды, досточтимый мудрец? – спросил Кхин Маунг.

– Разные. Особенно по части его здоровья, – ответил старик.

Он взял доску и продолжил вычисления.

– Эти напасти будут связаны с его головой, – наконец объявил астролог.

– С какой ее частью? – спросил Кхин Маунг, с трудом произнося каждый звук.

Впоследствии он удивлялся собственному любопытству и непривычной для него напористости.

Старик взглянул на грифельную доску, открывавшую ему все тайны вселенной. Это была книга жизни и смерти, книга любви. С ее помощью он мог бы рассказать родителем о многом. Об удивительных способностях, которые пробудятся в их мальчике. О силе и магии, дремлющих в маленькой душе, и о даре любви. Но астролог не стал тратить слов. Зачем? Оцепеневшая Мья Мья его не услышит, а ее простодушный муж не поймет.

– С глазами, – только и сказал старик.

Эта фраза тоже прошла мимо Мья Мья, не отложившись в памяти. На обратном пути муж был непривычно разговорчивым и все пытался растолковать ей предсказания астролога. Она слушала – и не слышала. В голове эхом отдавались два страшных слова: «Большие несчастья».

Прошло несколько месяцев. Кхин Маунг неоднократно пытался разъяснить жене главное. Да, астролог говорил о неприятностях и даже о трагедиях, однако все они касались лишь здоровья малыша. Их сын не несет на себе проклятия и не является вестником бед. Мья Мья не слышала его. Кхин Маунг понимал это по ее глазам. Видел, как она обращается с ребенком. Отстраненно. Ухаживая за сыном, Мья Мья старалась не дотрагиваться до него. Казалось, она не хочет даже лишний раз смотреть на мальчика.

Тину Вину не исполнилось и трех недель, а вся его дальнейшая судьба, по мнению матери, была предрешена. Более того, она воспринимала жизнь Тина как уже прожитую, причем напрасно. Ей оставалось лишь достойно справиться со всем этим.

Достойно справиться… Такая ноша оказалась для Мья Мья непомерной.

10

Теперь, когда устами астролога звезды высказались о судьбе сына, Мья Мья стала крепче спать. Она знала, чего ждать. К несчастьям и ударам судьбы Мья Мья привыкла, в то время как радость и счастье пугали неизвестностью. Она не терзала себе душу лживыми надеждами, не тешилась иллюзиями и несбыточными мечтами. Словом, успокоилась.

Чего не скажешь о Кхине Маунге. Он подолгу не мог заснуть. Лежал, прислушиваясь к дыханию жены и сына, а невеселые мысли тем временем делали свое черное дело. Предсказания астролога заставили задуматься о вещах, которые прежде он считал очевидными. Да и можно ли так слепо верить старику? Вдруг тот ошибся? Действительно ли существует судьба, которой не избежать? Если не люди хозяева своей жизни, то кто? Где находится этот таинственный властелин? Кхин Маунг не желал прислушиваться к звездам.

Он вспомнил первую ночь после визита к астрологу. Сон не шел к нему, а вот Мья Мья, освобожденная от неизвестности, крепко спала.

Кхин Маунг сел на постели.

– Мья Мья, Мья Мья… – позвал он.

Она не просыпалась.

– Мья Мья… – продолжал повторять он имя жены, словно заклинание.

Она открыла глаза.

Ночь была ясная. В окошко хижины светила полная луна, и в ее неярком голубоватом свете Кхин Маунг впервые увидел, насколько прекрасна Мья Мья. Ее ресницы, глаза, изящный нос. Почему-то до сих пор он не задумывался о красоте супруги. Женился на ней, потому что таков был выбор родителей. Они сказали: «Любовь придет потом», и Кхин Маунг им поверил. Он всегда делал то, что велели мама с папой, полностью полагаясь на их опыт. И потом, его собственные представления о любви были весьма туманными. Кхин Маунг считал ее подарком. Но не все получали от жизни такой дар: кто-то удостаивался милости, а кто-то нет.

– Мья Мья, мы должны… нам надо… нам нельзя…

Ему столько хотелось сказать!

– Я знаю, Кхин. Знаю.

Она села рядом с мужем, обхватила его голову и прижала к своей груди. Для Мья Мья это было редким жестом нежности, непозволительной роскошью вроде горячей воды по утрам или улыбки при прощании. Такие жесты годились для мечтателей или для тех, у кого в избытке времени, силы и чувств. У нее не было ни того, ни другого, ни третьего.

Мья Мья знала, какая буря бушует сейчас у мужа в душе. По биению сердца, по судорогам, сотрясавшим его тело, по тому, как порывисто он ее обнимал, она чувствовала: Кхину нужно время.

Он все еще верил, что они смогут защититься, что есть шанс изменить приговор судьбы.

Кхин Маунг лежал в объятиях жены и говорил. Негромко, обращаясь не к ней. Мья Мья не понимала ни слова. Он говорил с собой, быстро и безостановочно. Требовал, не желал подчиняться, даже угрожал судьбе, а потом вдруг начинал просить, умолять, сомневаться. Это был неиссякаемый поток слов. Казалось, муж сидит у постели умирающего и своим голосом поддерживает в нем жизнь.

Кхин Маунг хотел бороться за сына. Подарив ребенку жизнь, родители по умолчанию обязуются сделать все, чтобы ему в этом мире было хорошо. А потому он готов сражаться за маленького Тина, используя любую возможность. Если жена не поддержит его, что ж, будет биться с судьбой один. Об этом он скажет Мья Мья утром, перед завтраком. Так подумал Кхин Маунг и заснул.

Но возможность поговорить с женой не представилась ни утром, перед завтраком, ни вечером, когда он вернулся с поля.

На следующую ночь Кхин Маунг снова не мог заснуть. Вспоминал все подробности визита к астрологу. Перед глазами возникла хижина, затем комната. Картина была размытой, но постепенно становилась все яснее, как местность, над которой рассеивается туман. Комната, свечи, дымящиеся курительные палочки, грифельная доска, раскрывающая тайны жизни. Великая книга любви. Кхин Маунг слышал предсказания старика, слово за словом пропуская их через свой разум. Астролог ни разу не упомянул о проклятии. Надо обязательно поговорить с женой. Завтра же, на рассвете… Но и завтра возможности для разговора не представилось.

Так проходили ночи и дни. Будь Кхин Маунг другим человеком, он не стал бы дожидаться, пока не подвернется возможность, а ближайшим утром разбудил бы жену и высказал все, что накипело на душе. Но такое не было свойственно его натуре. Для этого ему понадобилось бы преодолеть ограничения, им же самим установленные, а он не относился к числу героев. Его смелость не простиралась дальше мыслей, и очень скоро стремление спасти сына начало иссякать. Вернулись сомнения и накинулись на него, словно хищники на ослабленное животное. Наверное, астролог все-таки прав. Со звездами не поспоришь. Ребенок, родившийся в декабрьскую субботу, обречен пожинать несчастья. Что тут непонятного?

Через два месяца после рождения Тина умерла двоюродная бабушка Мья Мья. Внучка сразу же усмотрела в этой смерти знак. Кхин Маунг хотел разубедить жену, сказать, что ее родственница дожила до очень почтенного возраста и в последние годы вообще не вставала с постели. Но его решимости хватило ненадолго. Она мелькнула молнией, на мгновение позволив увидеть истинное положение вещей, а уже в следующую секунду мир снова принял привычные очертания. Да, Мья Мья права: смерть старухи – это знак.

Постепенно Кхин Маунг и вовсе отстранился от жизни сына. Утешал себя мыслью, что у них с Мья Мья будет еще много детей. Им повезет больше, они не родятся в субботний день декабря, апреля или августа. Свой надел земли Кхин Маунг отдал внаем и пошел работать в английский гольф-клуб садовником и подавальщиком клюшек. За эту работу платили больше, чем за крестьянский труд. К тому же теперь Кхин был избавлен от необходимости сидеть дома в сухой сезон, когда крестьяне почти не покидали своих жилищ. Англичане играли в гольф круглый год.

Мья Мья с головой погрузилась в домашнее хозяйство. Они жили в деревянной, обмазанной глиной хижине, а та стояла позади роскошной двухэтажной виллы, принадлежавшей дальнему родственнику Кхина Маунга. Особняк разместился на вершине холма и возвышался над городом, подобно другим зданиям колониальных властей в Кало. И, как и те, был выстроен в тюдоровском стиле. В сухой сезон этот городок пользовался у англичан особой популярностью. Когда температура в Рангуне и Мандалае доходила до сорока градусов по Цельсию, Кало дарил желанную прохладу. Некоторым англичанам так нравилось в Бирме, что, выйдя на пенсию, они оседали здесь, в горных курортах вроде Кало. Вот и эти хоромы выстроил для себя один британский офицер и собирался в них поселиться, выйдя в отставку. Но, увы, спустя две недели после окончания службы в армии ее величества он отправился охотиться на тигра и трагически погиб.

Вдова офицера продала особняк родственнику Кхина Маунга (кажется, двоюродному дяде) – богатому рангунскому коммерсанту, торговцу рисом. В этом деле традиционно доминировали выходцы из Индии, и родственник Кхина был едва ли не единственным бирманцем, сумевшим туда пробиться. Он сколотил изрядное состояние и считался одним из самых богатых бирманцев.

Практического смысла покупка виллы для него не имела. За шесть лет владения ею он ни разу не приехал в Кало. Она служила символом его богатства и положения. Одно упоминание о вилле в Кало производило должное впечатление на столичных деловых партнеров. В

обязанность Мья Мья и Кхина Маунга входило присматривать за особняком и постоянно поддерживать в нем образцовый порядок, словно хозяин мог приехать в любой день и час. После рождения сына Мья Мья самозабвенно занялась поддержанием порядка в чужом доме. Она ежедневно натирала паркетные полы, доводя их до зеркального блеска. Вытерев утром пыль со всей мебели и полок, вечером снова бралась за тряпку, хотя нигде не было ни пылинки. Каждую неделю мыла окна и подстригала лужайку садовыми ножницами, с которыми управлялась проворнее, чем с английской газонокосилкой. Вдобавок Мья Мья не давала разрастаться бугенвиллеям и ухаживала за цветочными клумбами.

Мья Мья чистила морковку на кухне своей хижины, когда заметила двоих полицейских, идущих в сторону холма. Был ясный, холодный декабрьский день, но Мья Мья не ощущала прохлады. Сегодня она больше обычного провозилась с натиркой полов на втором этаже особняка. Теперь нужно готовить ужин. От горящего очага не отойдешь, а у нее еще не все прибрано в хозяйском доме. Если вдруг завтра пожалует господин, он сразу же поймет, что вилла не содержится в идеальном порядке, и все ее многолетние старания пойдут насмарку. Хозяин наверняка подумает, что Кхин Маунг взял себе в жены лентяйку. Недаром говорят: «Один день хаоса перечеркивает тысячу дней порядка». Эти мысли бродили в голове Мья Мья, пока она скребла тощие морковины, время от времени поглядывая на долину.

Между тем полицейские, одетые в щеголеватую синюю форму, не пошли по дороге, где ездили воловьи упряжки, а порой и автомобили. Они свернули на узкую пешеходную тропку, которая сначала змеилась по сосновому лесу, потом петляла между полями и тянулась до самой вершины холма. Полицейские приближались. Мья Мья уже видела их лица. Ее охватила паника. Сегодня Тину Вину исполнилось шесть лет. Дней рождения сына она боялась как огня и в каждый из них готовилась к беде.

Душой, разумом и телом Мья Мья овладел ужас. Казалось, чьи-то гигантские руки сжали ее тело, сдавливая все сильнее и сильнее. Перехватило дыхание. С удивлением женщина услышала собственные всхлипы и слова мольбы, обращенные к звездам. Сейчас Мья Мья отдала бы что угодно, лишь бы ее страхи оказались напрасными.

Полицейские вошли во двор, закрыв за собой калитку. Мья Мья вышла из хижины. Правоохранители надвигались медленно, с неохотой. Каждый их шаг был для нее как удар. Тот, кто помоложе, шел не поднимая головы. Второй, постарше, смотрел ей в лицо. Мья Мья немного знала этого человека, встречала несколько раз в городе. Их глаза встретились, и Мья Мья мгновенно все поняла. Одного взгляда оказалось достаточно. Ужас, терзавший ее, пока полицейские приближались, исчез с той же скоростью, с какой появился. Мья Мья знала: случилась большая беда. Непоправимая. Ее жизнь уже не будет такой, как прежде. Это третье крупное потрясение в ее судьбе. Четвертого она не вынесет.

Полицейский постарше встал напротив. Его коллега так и не поднял головы.

– С вашим мужем произошел несчастный случай, – сказал старший.

– Знаю, – бесцветным голосом отозвалась Мья Мья.

– Он мертв.

Мья Мья ничего не сказала. У нее не подкосились ноги. Она не зарыдала и не бросилась причитать. Просто молчала. (Вечером старший коп рассказывал жене: «Она превратилась в камень».)

Краем уха Мья Мья слушала полицейских, которые объясняли, как все произошло. Англичане играли в гольф. Один из них ударил клюшкой по мячу, но порыв ветра изменил траекторию полета, и шар угодил в стоявшего неподалеку Кхина Маунга. Удар пришелся прямо в висок, и ее муж умер на месте. Англичанин возьмет все похоронные расходы на себя. Нет, это не признание вины, обвинять можно лишь ветер. Просто небольшая помощь семье погибшего. Проявление сочувствия, и не более того.

Мья Мья кивала.

Когда полицейские удалились, она пошла искать сына и обнаружила его позади хижины. Тин Вин сидел рядом с большой горкой шишек и бросал их, стараясь попасть в лунку, которую выкопал в земле. Почти все шишки летели мимо.

Мья Мья хотела позвать его, рассказать о смерти отца. Но зачем? Наверное, он и сам уже знал о случившемся. Ведь это с его рождением в их жизнь пришли несчастья. Мья Мья поймала себя на том, что впервые возлагает вину на сына. Причина была не только в неблагоприятном расположении звезд. Все дело в нем – неприметном черноволосом мальчишке с загадочным взглядом. Мья Мья никогда не знала, смотрит ли он на нее или сквозь нее. В этих глазах невозможно было что-либо прочесть. Но Мья Мья и так знала: это он – Тин Вин – принес с собой горе. Породил хаос. Для него сотворение беды было такой же игрой, как прятки или лепка домиков из песка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.